Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 57 2007 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

ПАСХАЛЬНЫЕ ПОСЛАНИЯ

ВСТРЕЧА С БОГОМ
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О подвиге против греха»

ПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ БЕЗСРЕБРЕНИК
Рассказ о ельчанине Косме Студеникине

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским пустынником: «О современном монашестве»

СТАРИЦА МИХАИЛА
Из воспоминаний о схимонахине Михаиле (Сарычевой)

ТИХАЯ ЛЕСНАЯ ОБИТЕЛЬ
История Свято-Тихоновского монастыря

ЖИВАЯ ВОДА ПРОМЫСЛА БОЖИЕГО
«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

ЧУДЕСНЫЙ ДЕНЬ

ПАСХА В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Эти торжествующие, полные ликования слова обращаю ныне к каждому из вас, Преосвященные собратья архипастыри, всечестные пастыри и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, благочестивые миряне нашей Святой Православной Церкви.

Снизшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси вереи вечныя, содержащих связанных, Христе, и тридневен, яко от кита Иона, воскресл еси от гроба.

Ирмос 6-й песни Пасхального канона

Пасха Христова вновь пришла в наши храмы и жилища, в наши города и веси, в наши приходские общины и монашеские обители, в наши души и сердца и озарила нас Светом невечерним, Светом Царства Божия, Светом ликующей пасхальной радости.

Искупительная Жертва Господа нашего Иисуса Христа, Его Светлое Воскресение принесли человечеству невиданную прежде свободу — свободу от греха и погибели. Но обретает эту свободу только тот, кто вверяет себя Христу Спасителю, принимает Его как *«путь и истину и жизнь»* (Ин. 14, 6), по слову Евангелия: *«если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин. 8, 31-32). Истина эта — Воскресший Господь наш Иисус Христос, разрушивший крепость ада и смерти, дарующий нам свободу избрать Жизнь Вечную.

Будем же вместе со Святой Матерью Церковью воспевать победу Спасителя над смертью, будем ликовать, радуясь дарованному искуплению, постараемся разделить наше торжество с теми, кто еще пребывает в рабстве греху, дабы и их привести к освобождению во Христе и к Жизни Вечной. Будем блюсти *«закон совершенный, закон свободы»* (Иак. 1, 25) и научать ему ближних и дальних, помня, что хранение этого закона в сердце и исполнение его дает человеку возможность непостыдно предстать перед лицем Праведного Судии.

Много рядом с нами людей, считающих, что свободу приносят деньги или власть, сила или здоровье, вседозволенность или безнравственность. Поклоняясь этим идолам века сего, соревнуясь в гордыне и эгоизме, они до времени не замечают, как все глубже и глубже погружаются в рабство — в рабство себялюбия, порока и страстей. Благо тем, кто приходит в храм Божий и здесь познает, что есть истинная свобода и как стать на путь совершенствования. Благо тем, кто ради обретения этой свободы неленостно трудится над своим спасением, сохраняя верность Христу среди всех невзгод и печалей века сего.

Церковь наша неуклонно идет по пути возрождения. В обществе, где еще совсем недавно отрекались от Бога, а затем немало сил положили в погоне за ложными благами мира сего, ныне умножается число людей, которые стараются жить как православные христиане. Но чтобы совершенная радость, радость о Христе Воскресшем год от года возрастала в сердцах наших соотечественников, нам самим предстоит возрастать в добродетели и призывать к этому наших ближних.

Особо следует заботиться об укреплении семьи, дабы сделать ее крепкой и гармоничной, способной к воспитанию новых поколений в правде и чести, Духе и Истине. Если наши семьи воистину станут «малыми церквами», сильными единой верой, полными взаимной любви мужей и жен, родителей и детей, — наши народы забудут о моральном кризисе и о многих бедах, этим кризисом порождаемых.

Везде — и в храме, и дома, и там, где мы совершаем наш трудовой подвиг, — повсюду, куда Господь нас направляет, мы должны быть свидетелями Христа Распятого и Воскресшего, просвещать мир светом духовной радости, разума, мира, свободы. В этом наше посланничество миру, где еще много страданий, безверия, вражды, несправедливости, порока и неправды. Будем же побеждать их Светом Христовым и силой Его благодати!

Радость, мир, благодатную помощь Свою в добрых делах да дарует всем вам, дорогие мои, Восставший из гроба Спаситель мира!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский и всея Руси.
Пасха Христова 2007 года. Москва.
(печатается в сокращении)

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Епископа Липецкого и Елецкого НИКОНА

Приидите, новаго винограда рождения Божественнаго веселия, в нарочитом дни воскресения, Царствия Христова приобщимся.
Канон святой Пасхи, 8 песнь

Сердечно поздравляю вас, возлюбленные о Христе Воскресшем, досточтимые пастыри, честные иноки и инокини, благочестивые миряне, со светлым праздником Пасхи и приветствую пасхальным гимном:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Величайший из праздников мы сегодня празднуем, дорогие! Велико духовное наслаждение этого события, потому что поруганный и распятый Христос, Спаситель наш, воскрес из мертвых и Своим воскресением даровал нам жизнь вечную, то Царство Небесное, которое обещал любящим Его. «*Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечнаго начало*» (канон святой Пасхи, 7 песнь).

Мы более не мертвы духовно, но живы благодатию Божией, искупившей нас от греха и смерти, соделавшей нас во Христе новым творением. Это чудо спасения человечества, таинственный переход от смерти к жизни, от тьмы к свету открывается для нас уже в этой временной земной жизни. О, если бы всегда жили мы тем радостным, всепрощающим, любящим настроением души, которое испытываем сегодня!..

Но мы глубоко обезпокоены многочисленными проблемами нашего общества, особенно распространением среди молодежи таких глобальных пороков, как алкоголизм, наркомания, нравственная распущенность... Мы обезпокоены будущим нашего Отечества. Сегодня многими СМИ подчеркивается, что возрождение общества невозможно без привлечения молодого поколения к духовно-нравственным ценностям традиционной русской культуры и культурно-исторической преемственности. Особенно эти вопросы поднимались на Свято-Тихоновских и других образовательных чтениях. «*Бог есть любовь*» (Ин. 4, 8) — это величайший дар Христов всему человечеству. Любовь преображает, очищает и просвещает всех нас. И мы, следуя заповеди жертвенной любви к людям, сами приобщаемся Божественной любви, которая, разгоревшись в наших сердцах неугасимой пасхальной радостью, наполнит и всю нашу жизнь, укрепит институт семьи и пробудит интерес к традициям Православия.

Для возрождения традиционных ценностей нации, улучшения нравственного климата в стране мы решаем эти вопросы вместе с руководителями области и города. Из областного бюджета выделяются финансовые средства на восстановление некогда порушенных святынь. Сотрудничество епархии с государственными организациями принесло добрые плоды по сохранению архитектурных памятников. В епархии создано некоммерческое объединение «ЛипецкРостЦентр», которое под управлением Московской Патриархии возрождает храмы и монастыри.

Возлюбленные! Возрождается духовная жизнь в нашем крае, возрождается живое общение со Христом. В эти пасхальные дни наполняется душа восторгом братской любви, приветствием «Христос воскресе!» — в стремлении весь мир обнять любовию Христовою.

Мы получаем радость Христову как дар благодати, посылаемой в эту святую ночь от Источника благодати. Этим Господь каждый год свидетельствует Церкви истину Своего Воскресения, таинственно изменяет сердца верующих, дает им вкусить райской радости.

Так утвердите ее и в вашем сердце, закрепите ее подвигом любви и чистоты. Пусть это начало вечного жития как светлый уголек, сокрытый в душах ваших, согревает и освещает дальнейшие дни вашего земного странствия.

Дорогие собратья, всечестные отцы, братия и сестры! Вновь и вновь с сугубой радостью поздравляю вас со светоносным праздником Пасхи Христовой. Живите Христом и радостью Его Воскресения. Житейские бури, злорадство беззаконников, торжество неверия, войны и безстыдный разврат, окружающие нас, как бушующее и клокочущее море, — все это безсильно оторвать нас от Источника жизни — Христа Жизнодавца. Итак, будем жить с Ним и не приобщаться той духовной смерти, какую видим вокруг себя, потому что: «*Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются Ангели. Воскресе Христос, и жизнь жительствует*» (свт. Иоанн Златоуст «Слово огласительное»).

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

НИКОН,
Епископ Липецкий и Елецкий.
Пасха Христова 2007 года.
Липецк.

Встреча с Богом

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь. 26 апреля 2006 г.

Христос воскресе!

Поздравляю всех вас со Светлым Христовым Воскресением!

В день воскресения Господа шли два путника Клеопа и Лука в селение, называемое Эммаус. Спаситель повстречался с ними и пошел рядом. Но они не узнали Его и начали рассказывать о событиях, которыми были потрясены: о смерти Иисуса Христа и о том, что Тело Его исчезло из гроба. «*О несмысленная и косная сердцем, еже веровати о всех, яже глаголаша пророцы*» (Лк. 24, 25) — сказал им Спаситель и начал объяснять, что все исполнилось, «*яже глаголаша пророцы*». Когда день склонился к вечеру, Он сделал вид, что хочет идти дальше. Но Лука и Клеопа просили, чтобы Он остался и разделил с ними трапезу: «*Обляви с нама, яко к вечеру есть*». На трапезе Господь явил им Себя. Он взял хлеб, преломил — и ученики тотчас же узнали Его, потому что вспомнили, как Иисус Христос преломлял хлеб на Тайной вечери. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его, но Он стал невидим для них. Они начали говорить друг другу: «Не было ли сердце наше в большой радости? Почему же мы сразу не определили, что это Господь?» (Сравн. Лк. 24; 13-32)...

Наша встреча с Богом — это всегда неизреченная радость. И ученики потому просили Господа зайти к ним на трапезу, что они чувствовали в душе отраду при встрече с Ним, хотя еще не знали, что это Спаситель.

Когда мы приходим к Богу, то эта радость бывает у каждого. Пришел, например, человек в монастырь и говорит: «Все, я тут остаюсь. Я оставляю мир, дом, институт (или школу) — я буду здесь!» Почему он так говорит? Потому что произошла его встреча с

Богом — и больше этому человеку уже ничего не нужно: ни знаний, ни богатств, ни славы... Только дети, семья могут быть преградой к оставлению мира. Бывало, что ко мне приходили женатые: «Уйду, — говорили, —в монастырь». А я им: «Нет, нельзя из семьи уходить. Надо домашнюю церковь соблюсти, поставить на ноги своих детей, а уж потом подумать об уходе из мира»...

Какое веселье для души — встреча с Богом! У каждого из нас она обязательно случалась. Но часто мы не понимаем, что радость эта — от наития благодати; думаем, что это какое-то особое место или окружение хороших людей.

У меня была духовная мать — схимонахиня Антония (Овечкина). Я постоянно приезжал к ней в деревню, в ее дом. И какая же это радость для меня была! Я не знал, что через эту схимницу Сам Господь встречал меня, что в этом месте я встречался с Богом. Я просто чувствовал, что там замечательно, матушка и ее послушницы, и все больные люди, которые приезжали к ней со слезами, со скорбями, — все мне казались ангелами...

Наша встреча с Богом может произойти где угодно: и в монастыре, и в деревне, и на дороге, как было с путниками Лукой и Клеопой. И встретившись с Богом, вкусив счастья этой встречи, мы хотим уже быть с Ним постоянно. И приходим в монастырь. Не для того приходим, чтобы пахать, сеять, ухаживать за скотом, служить. Нет, главное — мы пришли в монастырь, чтобы еще теснее прилепиться ко Господу, постоянно пребывать с Ним...

Но когда мы теряем Господа — это самое страшное. Почему мы Его теряем? Да потому что нет у нас глубокой веры, нет сильной любви к Нему. Малейшее какое-то нестроение, искушение в нашей жизни — и мы выходим из душевного равновесия. Случается, например, недоразумение с ближним — и мы раздражаемся. А ведь наша жизнь должна заключаться в любви к ближнему. Если мы Бога не видим и говорим, что любим Его, а людей видим и не любим, тогда мы и Бога не любим, потому что Господь проявляет Свое отношение к нам через ближнего.

Бог же любит всех. «*Еда забудет жена отроча свое... Аз не забуду тебе, глаголет Господь*»

(Ис. 49, 15). И какой бы ни был человек — каждый для Него дорог. Он ради всех пришел, пострадал и воскрес. Поэтому будьте внимательны: не оскорбляйте друг друга — оскорбляя ближнего, вы оскорбляете Бога. Ведь нам ясно сказано, что если мы даем подаяние человеку — делаем это Самому Христу. Но если мы на кого-то обижаемся, гневаемся, ругаемся — обижаем, оскорбляем, унижаем Самого Христа. А ведь Господь нам только добро творит и, несмотря на все наши злодеяния, до сего времени любит нас и ведет ко спасению.

Воскресение Христово — удивительное событие. В мире нет ничего равному ему, потому что оно связано с Небом, с Жизнью. Пасха — это переход от смерти к Жизни. Пасха — это переход из рабства мира, диавола и плоти в свободу ко Господу. Пасха — это переход от тьмы к свету. Если бы мы только однажды увидели свет, а потом в нашей жизни все время была бы ночь, то мы постоянно с нетерпением бы ждали: «Когда же придут иные времена — светлые дни?!» Этот свет для нас — Господь. Он просвещает всякого человека и не разделяет: этот — грешный, а тот — безгрешен; этот плохой, а тот — хороший. Он всех принимает, всех любит и хочет всем спастись — до такой степени Он сострадателен и милосерд к нам. Где бы вы ни были — в храме ли, на дороге, на послушании — везде с вами Господь. Весь мир — дом Божий. Господь Собой все наполняет, Он Вездесущий, все видит. И наши намерения — тоже. А то ведь иногда стоим в храме: внешне — благопристойно, а внутренне — недовольство на одного человека, на другого... Конечно, посторонние этого не видят, но Бог видит.

В дни Христова Воскресения, в эти светлые, святые, радостные дни мы не можем не петь «Христос воскресе!». Мы не можем остановиться, до хрипоты поем. Будем же прославлять Христа Жизнодавца, будем в эти дни радоваться, что Господь еще дал нам встретить Его Пасху. Потому что настанет ли следующая Пасха — неизвестно.

Я поздравляю вас со Светлым Христовым Воскресением. Вдумайтесь: какие слова светлые! Пусть же свет Христов будет всегда с вами и светит на жизненном пути. Живите чисто, живите с Богом. Прославляйте Бога, пока у нас есть время. Не стоит думать, что покой и безмятежность у нас будет безконечно. Господь сказал: «*Аще Мене изгнаша, и вас изженут*» (Ин. 15, 20). Готовьтесь, не расслабляйтесь. Когда погонят или когда появятся болезни, сделать это будет очень трудно, поверьте. Поэтому сейчас самое благоприятное время, чтобы молиться, поститься, делать добрые дела, жить в мире, в любви между собою.

Пусть же эта радость будет с нами до скончания нашей жизни, пусть она будет всегда с нами — и в будущем веке. Будем радоваться о Господе!

Еще раз поздравляю вас с Праздником праздников — с Пасхой и призываю на всех Божие благословение.

ПАСХА

Христос воскресе!

Святой апостол Павел в одном из своих посланий говорит: если не воскрес Христос, то мы самые несчастные из всех людей... И действительно, если не воскрес Христос, то вся наша вера, все, что мы называем нашим духовным опытом, построено на лжи или на иллюзии.

И Христос воистину воскрес! Об этом мы знаем личным опытом; не только десятки, не только тысячи, но миллионы людей опытно в своей жизни испытали живое присутствие и прикосновение Самого Христа. Но мы верим также и в Его плотское, телесное воскресение, о котором свидетельствуют апостолы, говоря, что повествуют о том, что они своими глазами видели, своими ушами слышали, своими руками осязали (1 Ин. 1, 1).

И действительно, жены-мироносицы пришли ко гробу и нашли, что камень был отвален от гроба, и ангел призвал их войти и засвидетельствовать, что гроб пуст; за ними Петр и Иоанн пришли и также обнаружили пустой гроб и пелены, которыми был обвит Христос, лежащие опустошенными, пустыми, потому что тела Христова там уже не было. И вновь явился Христос Своим ученикам: Он с ними ел, Он с ними говорил, они прикасались к Его воскресшему телу, они опытом своим, телесным опытом дознались, что Христос – не дух, не привидение, а воскресший плотью их Учитель, победивший смерть. И правда: что в этом удивительного? Если мы действительно верим, что Христос был Сын Божий, Сам Бог, пришедший плотью для спасения мира, то трудно поверить в Его смерть, но легко поверить в Его воскресение. Как мог Христос умереть телом, будучи самой Жизнью, как мог бы Христос остаться в плену у смерти, будучи Жизнью торжествующей, вечной?! Поэтому с радостью и верой будем друг друга приветствовать, зная, что воскрес Христос плотью Своей и что в этом – обещание нашего воскресения, в свое время. Смерть перестала быть для нас предметом страха: она – разверзающаяся дверь в вечность; и когда придет время, глас Божий, который призвал все существующее в бытие, загремит, и воскреснем мы все плотью и духом, и воспоем Господу вечную песнь радости, торжества и благодарения!

Христос воскресе!

Митрополит Антоний Сурожский

Христос воскресе!

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

***«Христос воскрес из мертвых, Первенец из умерших»* (1 Кор. 15, 20)**

Солнце восходит — и все встает, поднимается на ноги, оживает после ночного оцепенения; снова начинает кипеть разнообразная жизнь в подсолнечной стране. Эта мысль мне пришла сегодня в голову ранним утром, когда я пробудился от веселого чириканья воробьев, проснувшихся с восходом солнца и упредивших своей простой песней мою утреннюю молитву Творцу, Промыслителю и Спасителю. От этой мысли ум мой мгновенно перешел ко Христу Спасителю, Который есть то же в невидимом духовном мире, что солнце в мире чувственном, видимом. Когда Солнце Правды — Христос — взойдет в верующей, любящей, кающейся душе христианина, она тотчас оживает, просвещается, обновляется, укрепляется, радуется, так что и самое тело от ожившей и воспрянувшей души делается бодрым и здоровым. Но это бывает невидимо: невидимо восходит мысленное солнце в душе, невидимо действует, невидимо и заходит, оставляя опять человека во тьме и греховном оцепенении.

А вот придет час — взойдет над нами и видимо будет Солнце наше праведное — Христос Бог. Когда настанет Второе страшное пришествие Сына Божия, тогда все умершие, по гласу Его, мгновенно оживут и встанут на ноги свои. *«Грядет час, егда мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут. Грядет час, в оньже вси сущий во гробех услышат глас Сына Божия, и изыдут, сотворшии благая, в воскрешение живота, а сотворшии злая, в воскрешение суда»* (Ин. 5, 25 и 28-29). Дивное, поразительное явление силы Божией: тело, истлевшее в земле, сгоревшее в огне, потонувшее в воде, поглощенное земными или морскими животными, тело, сделавшееся прахом, воскреснет в новом, нетленном виде, соединяясь уже на веки бесконечные со своей душой или для вечной радости и блаженства, или для вечного горя и страдания. Воскресение мертвых совершится непреложно, как непреложно восходит солнце над землею и земнородными, как непреложно после зимы приходит весна, а после весны — лето плодоносное, как верно, что Христос воскрес из мертвых.

«Но Христос воскрес из мертвых, Первенец из умерших», — говорит апостол. *«Я есмь Первый и Последний, и живый, и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти»* (Откр. 1, 17-18), — говорит Сам воскресший и вознесшийся на небеса, и сидяший одесную Бога Отца. Если воскрес Первенец из умерших, Богочеловек Иисус, для того и умерший, чтобы победить смерть и даровать воскресение смертному роду человеческому, то, конечно, воскреснут и все. Если есть начаток воскресения, Христос, то совершится, без сомнения, и общее воскресение всех людей.

Своей вечной жизнью по человечеству, последовавшей за смертью и воскресением Своим, Господь уверяет нас в вечной жизни, имеющей начаться и для нас после общего воскресения. «Я, — говорит, — живой, и был мертв, и се, жив во веки веков». И к этим словам прибавляет сладостное утешение в словах: «Я имею ключи ада и смерти», т.е. как бы говорит: «Не бойтесь, ключи от ада и смерти теперь у Меня, вашего Спасителя, вашего брата по человечеству, искупившего вас от грехов ваших и от осуждения во ад.

Никто не затворит вас в нем, если Я не затворю. Я — Победитель ада и смерти». *«Дана Мне всякая власть на небе и на земле»* (Мф. 28, 18).

О божественный, о любезный, о сладчайший Твой глас, преисполненный любви и сострадания к роду смертному, безсмертный Спаситель наш! Благодарим Тебя за утешительные слова Твои. Не затвори же нас во аде, достойных по грехам нашим заключения в нем навеки. Умилосердись, прости, очисти грехи наши и научи нас жить по святым Твоим заповедям, научи нас оправданиям Твоим. Аминь.

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцатое

О подвиге против греха

Всем христианам, которые хотят быть истинными христианами и вечное спасение о Христе Иисусе получить, непременно нужен подвиг против всякого греха, чтобы не позволять ему собой обладать. *Да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его,* — говорит апостол христианам (Рим. 6, 12). Требует этого от христиан вера их, по слову апостола: *покажи мне веру твою от дел твоих* (Иак. 2, 18). Они должны Бога слушать, в Которого веруют, а не грех, и для Бога жить, а не для греха. Требует того святое Крещение, которым обновились для святой христианской жизни. Требуют обеты, данные при Крещении, которыми обещали верой и правдой служить Господу. Требует дело спасения, так как нарушающим закон и не хранящим своих обетов, данных при Крещении, святое Крещение безполезно, как лживым, Богу солгавшим. Рассуждайте об этом, христиане.

Познается христианин не от слов: «Господи, Господи», но от подвига против всякого греха. Тот воин истинный, кто стоит и подвизается против видимого врага. Так и истинный христианин — тот, кто непрестанно несет подвиг против греха.

Но посмотрим, почему человек согрешает, и тогда легче будет противостоять греху. Есть пять причин греха:

1) Растление человеческого естества. Человек в беззаконии зачинается и в грехах рождается, как Псалмопевец говорит: *в беззакониях я зачат, и во грехах родила меня мать моя* (Пс. 50, 7). Греховные страсти, с которыми человек рождается, склоняют и влекут его ко греху. *Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти* (Рим. 7, 24)? Растление и окаянство вошло в человека от падения Адамова и склоняет человека ко всякому греху. Дети рождаются подобными отцу: *рожденное от плоти есть плоть* (Ин. 3, 6). Но христианам силой святого Крещения и обетов, данных тогда, надо против склонностей и страстей стоять и подвизаться, и не позволять им превращаться в дела.

2) Ко греху приводит человека диавол. Об этом говорит апостол и увещевает христиан беречься от него: *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш, диавол, ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою* (1 Пет. 5, 8-9). О том же в другом месте говорит и апостол Павел: *Укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 10-12). Эти невидимые враги всегда на погибель нашу, о христиане, бодрствуют и ко всякому греху привести стараются. Итак, не должно и нам дремать.

3) Соблазны мира также ко греху приводят. Видим это растущее зло. Один что-либо делает, другой это видит или слышит и безрассудно этому подражает. Соблазн подобен моровой язве, которая в одном человеке начинается и многих, близ живущих, заражает. *Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7).

4) Причиной греха бывает недоброе воспитание детей. Такие дети, повзрослев, ко всякому злу стремятся. Это происходит от небрежения родителей. Внимайте этому, отцы и матери!

5) Сильно влечет ко греху человеческая привычка. Видим это зло, видим, что пьяницы всегда стремятся к

пьянству, похитители к хищению, блудники и прелюбодеи к нечистоте, клеветники к клевете, и прочее. Ибо привычка их, как веревка, влечет к греху, и так, как голодный к хлебу и жаждущий к воде, стремятся они ко греху, к которому привыкли. Подстрекаемые привычкой, люди согрешают. Против нее непременно должно подвизаться человеку-христианину, желающему спастись и веру свою от дел показать.

Люты все эти противники нашего спасения. Люта *плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), которая *желает противного духу* (Гал. 5, 17); лют супостат диавол, который непрестанно прельщает и борет нас; люты и соблазны, которыми похоть плотская, как огонь ветром, раздувается и разжигается. Но для привыкшего ко злу лютее всего привычка, она для человека как вторая природа.

Труден, признаюсь я, для всех подвиг против вышеописанных противников, но необходим и почетен. Многие подвизаются и побеждают людей, но становятся пленниками и рабами своих страстей. Нет более славной победы, чем самого себя и грех победить. Венец и торжество без победы не бывает, не бывает и победа без подвига против врагов.

Возлюбленные христиане! Вступим в этот подвиг, да с помощью Христовой одержим победу, и получим от него венец доброты, и вечно будем торжествовать в царствии Его.

Помощь в подвиге против греха можно обрести в следующем.

1) Слушать и внимать Божиему Слову. Оно показывает грех и добродетель, от греха отводит и поощряет к добродетели. Ибо *все Писание богодуховенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 3, 16-17). Ибо *Божие Слово есть духовный меч* (Еф. 6, 17), которым посекается враг душевный.

2) Бог на всяком месте присутствует, и где бы мы ни были, Он с нами; и все, что мы ни делаем, пред Ним и святыми очами Его делаем. Итак, как пред Богом беззаконничать будем и святой Его закон перед очами Его нарушать? Стыдимся и боимся пред земным царем и низшей властью безчинствовать, тем более должны стыдиться и бояться безчинства показывать пред Богом, ибо всякий грех — это безчинство пред Богом.

3) Помнить конец: смерть, Суд Христов, ад и Царствие Небесное, — все это от греха отводит. *Во всех делах твоих*, — говорит Сирах, — *помни о конце твоем, и вовек не согрешишь* (Сир. 7, 39).

4) Избегать случаев, которые ко греху приводят, как-то: банкетов и пиршеств, злых и непотребных разговоров. Ибо *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33).

5) Держать в уме и памяти, что во время самого действия греха может человек умереть и погибнуть. Так фараон, царь Египетский, гнался по следам израильтян и хотел им опять причинить зло, но в самом том беззаконном деле и погиб (см. Исх. 14, 27). Так Авессалом, сын Давидов, желал святого своего отца убить и в том желании погиб (2 Цар. 18, 9). То же видим и ныне: видим, что блудники и прелюбодеи во время самого скверного дела поражаются, хульники — во время хуления, воры и похитители — во время хищения и прочие беззаконники по делам своим получают. Так праведный суд Божий поражает беззаконников, чтобы мы убоялись грешить и беззаконничать.

6) Помышлять о том, что Христос, Сын Божий, за грехи был подвергнут мукам и умер. *Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши* (Ис. 53, 5). Тебе ли, христианин, делать то, за что Христос, Сын Божий, горчайшую чашу страдания испил, и так *снова распинать в себе Сына Божия* (Евр. 6, 6)?

7) Не смотреть, что люди делают, но внимать тому, чему Слово Божие учит. Ибо так уклоняемся от соблазнов мира. *Мир велик любящим закон Твой* (Господи), *и нет им соблазна* (Пс. 118, 165). Христианин, люби Закон Божий, и не повредят тебе соблазны мира.

8) Наше старание и подвиг против греха не имеют силы без помощи Божией. Поэтому нам должно стараться и молиться, чтобы Господь помог нам в таком важном деле. Бог старающимся и заботящимся помогает, подвизающихся укрепляет и побеждающих венчает.

Возлюбленные христиане! Видим наших душевных врагов, которые не временно, но навечно хотят нас погубить, видим и помощь в подвиге против них. Станем же, станем крепко и укрепимся силой Всесильного Иисуса, Спасителя нашего, и не допустим этим врагам нами обладать, тогда и венцом победы от Подвигоположника Иисуса увенчаемся! Господи Иисусе, смерти и ада Победителю, помоги нам! Без Тебя ничего не можем, с Тобой все можем. Аминь.

Праведной жизни безсребреник

Рассказ о ельчанине Косме Студеникине

Елец, один из древнейших городов обширной Воронежской епархии, укоренившимся своим благочестием сразу полюбился епископу Тихону по поставлении на кафедру. Ведь далеко не вся территория, вверенная духовному его окормлению, даже во второй половине XVIII века была крепка в истинном Православии. В цитируемой многими авторами XIX века рукописи «Жизнь св. Тихона», принадлежащей перу келейника святителя – Василия Чеботарева – говорится, что пришелся Елец св. Тихону по сердцу «как издревле славящийся своим благочестием и постоянным усердием тамошних жителей ко храмам Божиим, верностью Православной Церкви, – так что там нет ни одного раскольника»...

А потому и посещал этот город святитель с охотой, имея особое расположение к жителям елецким, отличавшимся «кротостью и взаимным согласием». По совершении архиерейских богослужений в храмах он обычно собеседовал с прихожанами. И во время такой беседы, случившейся уже в первое посещение Ельца, как сообщает иеромонах Геронтий в жизнеописании схимонаха Задонского Богородицкого монастыря Митрофана, «своим примерным добронравием более других граждан обратил на себя внимание архипастыря» ктитор (староста) Покровской церкви Косма (Козьма, Кузьма, Казьма – в разных источниках) Игнатьевич Студеникин.

О том, что близкое знакомство святителя и благочестивого Покровского старосты имело место уже в недолгие годы пребывания епископа Тихона на кафедре, свидетельствуют и письма, отправленные схимонаху Митрофану в Задонск ушедшим на покой архипастырем из Толшева в 1768 году. В первом из этих посланий св. Тихон передает поклон «любезным моим елецким Косме, его брату и прочим известным приятелям». А завершая второе послание, вновь не забывает просить адресата: «Елецким моим приятелям – Косме, брату его от меня поклон»...

О мирской жизни Космы Игнатьевича известно немногое. Происходил он из сословия купеческого, вроде бы был богат. Но от лет младых положив в сердце своем беззаветное следование Христу, щедро жертвовал обретенное богатство на нужды Церкви и дела благотворения. Имея особое попечение о храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы, рядом с которым стоял его дом («немного ниже..., кажется, на месте дома наследников протоиерея Н. Ф. Леонова»), Студеникин столь многое сделал для преумножения здесь церковного благолепия, что до самой кончины своей оставался безсменным ктитором прихода. И, кстати будет здесь упомянуть, что наследники его – купцы Ходовы, при возобновлении Покровской церкви в 1850-е годы, в память о Косме Игнатьевиче, также сделали значительный вклад в сооружение нового здания храма.

Жизнь Косма Студеникин проводил безбрачную. По сообщению много собеседовавшего с елецкими старожилами Н. В. Елагина: «Сам подвизался в посте и молитвах, упражнялся в чтении Священного Писания и любил беседовать с людьми духовными, посвятившими себя Богу». Н. Сергиевский, автор одного из наиболее полных, по мнению схиархимандрита Иоанна (Маслова), жизнеописания святителя Тихона, добавляет, что и в знании церковного устава с Космой Игнатьевичем никто не мог сравниться, и даже многие священнослужители обращались к нему в случае затруднения в отправлении службы. А отец Геронтий в указанном выше сочинении свидетельствует, что «старцы обители Задонской того времени отзывались о Косме Игнатьевиче не иначе, как о "муже богомудром"».

Снискав благочестивою жизнью своей мудрость не от мира, но от Духа, Студеникин много делал для духовного просвещения ельчан. В частности, великое имел попечение о подрастающем поколении. Устроил у себя школу, где обучал детей безвозмездно. «И духовенство, и граждане елецкие весьма уважали его и вверяли ему своих детей для научения». Особо же заботился о детях из семей беднейших.

По некоторым елецким преданиям, Косма, еще в годы знакомства со святителем Тихоном, роздал все имущество и поселился в сторожке при церкви, где и принимал святителя во время визитов его в Елец. Но нам видится в этом некоторое преувеличение, свойственное в таких случаях устной традиции, обусловленное близостью дома Студеникина к храму, его неоскудеваемой щедростью, а также возможным смешением рассказов о его житии с рассказами о блаженном современнике, также находившемся в духовном общении со св. Тихоном Задонским – елецком священнике о. Иоанне Жданове, жившем в тесном чулане и ночевавшем "в притворе церковном". Хотя, видится вполне возможным, что на исходе жизни своей Косма Игнатьевич, действительно, полностью удалился от дел и сменил купеческий дом на убогую келью при церкви.

Во всяком случае нет достоверных исторических свидетельств о том, что уже в более ранние годы Студеникин оставил присущие своему сословию занятия. Говорится лишь, что «все получаемое в награду за труды он раздавал нищим»... А кроме того, доподлинно известно, что он охотно помогал святителю Тихону в довольно значительных по расходам делах благотворения, видимо, имея для того достаточные средства. Так, например, в письме, датируемом сентябрем 1771 года, где речь идет об устройстве в Ливнах богадельни при церкви св. Георгия, святитель Тихон рекомендует о. Стефану, на которого возложено было попечение о строительстве: «У Космы Игнатьева извольте спросить о деньгах»...

При этом надо заметить, что Косма Игнатьевич был не только безсребреником, не жалевшим своих денег на милостыню во славу Божию, но и человеком честнейшим и обязательным в исполнении порученного. А потому, как вспоминает Василий Чеботарев, «преосвященный имел к нему особенное благоволение и великую доверенность до самой своей блаженной кончины; ему всегда поручал деньги для раздачи вдовам и сиротам, также и содержащихся под стражею должников по векселям и другим претензиям выкупал от заимодавцев и освобождал».

Как справедливо замечает автор книги «Монашество на Дону» П. В. Никольский, святитель Тихон видел в «елецком гражданине» Косме «родственную душу, так как Студеникин тоже жил для ближнего». По приезде в Елец, как гласит предание, святитель обычно останавливался именно у Космы Игнатьевича, проводя ночи в доверительной беседе, разрешавшей многие сомнения и весьма утешавшей удалившегося на покой ради жизни *в духе и истине*, но многократно искушаемого миром архиерея. Не раз такие утешительные беседы бывали и в задонской келье самого святителя.

Записано Н. В. Елагиным в Ельце такое предание: «Однажды, на шестой неделе поста, Косма получает письмо, в котором святитель просит его, несмотря на разлив рек, непременно приехать в Задонск. Косма тотчас же отправился в путь; по льдинам перешел реку (Сосну), в санях доехал до Задонска, среди льдин на лодке переехал Дон и явился к святителю Тихону. Он вздрогнул, увидев его. Святитель был тогда в ужасном унынии; восемь дней не выходил из келий, ничего не ел и не пил, не принимал к себе никого, даже утеху свою – Феофана. По приезде Космы он велел подать чаю и потом раскрыл пред ним свое душевное состояние, доводившее его до отчаяния. Косма сказал все, что мог сказать в утешение Тихону. Беседа Космы и самый приезд его так утешили Тихона, что он сделался весел» и просидел с ним, собеседуя, заполночь...

С этим случаем некоторые источники связывают и не раз уже приводившееся на страницах "Задонского паломника" предание о том, как ради братской любви святитель Тихон нарушил пост, разделив в неурочный день уху с о. Митрофаном и Космой Игнатьевичем, сказав: "Любовь выше поста". И добавив: "Я знаю вас"...

Личное расположение святителя Тихона к Студеникину было таково,

Могила Космы Игнатьевича Студеникина на старом городском кладбище Ельца.

что он, весьма неохотно соглашавшийся на написание своих портретов, еще в годы пребывания на кафедре подарил Косме Игнатьевичу свое живописное изображение. «Писан сей портрет в то время, когда святитель имел около сорока лет от роду», – уточняет Н. В. Елагин. Как дорогую святыню хранил его Студеникин до самой своей блаженной кончины, последовавшей 2 января 1802 года.

Как сообщает А. Фаддеев, автор опубликованного в 1911 году исследования «Память о святителе Тихоне в Ельце»: «Могила К. И. Студеникина, находящаяся на городском Казанском кладбище, долгое время привлекала к себе богомольцев, заказывавших панихиды. Потом память о Студеникине стала ослабевать, а в последнее время снова оживилась. Этому оживлению способствовали два исцеления, происшедшие в недавнее время на могиле Студеникина. Исцелились мещанин Дубинкин, долгое время глухой и слепой старик, пришедший из деревни. Дубинкин поновил доску и тумбу над могилой, оштукатурил и побелил. На плите следующая надпись: "Здесь покоится прах в Бозе почившего друга новаго святителя и чудотворца Тихона, епископа Воронежского и Елецкого – Казьмы Игнатьевича Студеникина, родившегося в 1729 году января мес., скончавшагося в 1802 г. янв. 2 дня, имея от роду 73 года"».

Могила праведного Космы, собеседника святителя Тихона, сохранилась и ныне. Как свидетельствует А. Н. Доценко в современной уже книге «Святые лики над Ельцом», «и сегодня у его могилы, содержащейся в чистоте и порядке, нередко можно видеть склонившихся в молитве верующих людей: память о благочестивом подвижнике Косме Студеникине не исчезла по прошествии более чем двух веков!»

Интересна судьба портрета святителя Тихона, принадлежавшего Косме Игнатьевичу.

По окончании жизни земной праведного Космы, портрет святителя перешел к племяннице его Т. И. Студеникиной, вышедшей замуж за купца Ходова. И с тех пор этот прижизненный образ св. Тихона более 100 лет сохранялся в семье Ходовых. Так, при открытии мощей, этот портрет, по сообщению Н. В. Елагина, составлял собственность жены елецкого купца М. Д. Ходовой. С. Введенский, специально занимавшийся исследованием вопроса по случаю приближавшегося 50-летия со дня открытия мощей св. Тихона, пишет, что «в семействе Ходовых портрет находился до 1909 года, когда был уступлен Р. А. Ходовой Покровской церкви на память о Козьме Игнатьевиче Студеникине». В связи с приближавшимся юбилеем «у Елецкого Общества хоругвеносцев возникла мысль подновить портрет и обратить его в изображение иконное. Работа по реставрации портрета была выполнена в Москве в мастерской Оловешникова. Затем изображение было принесено крестным ходом из Ельца в Задонск в августе 1910 года, освящено у раки св. Тихона и в него вложена частица мощей святителя». К сожалению, на сегодняшний день послереволюционная судьба «ходовского портрета» точно не установлена.

Л. МОРЕВ

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 23

Из воспоминаний иеромонаха Мардария

(часть 1)

Первый раз я услышал об отце Виталии в Херсоне, там я тогда жил, работал. Совсем молоденький еще был, лет восемнадцать. Из Херсона были в Глинской пустыни паломники с нашего прихода. И вот встречаемся мы с ними, и они рассказывают:

– Ой, Виталий Глинский – это такой!.. Так он нас подбодрил! А как учил нас! Это вообще человек неземной!

Я думаю: «Как бы увидеть его?»

Потом уже, когда приехал в Глинскую и познакомился с отцом Виталием, говорю ему:

– Отец Виталий, я когда в Херсоне был, про тебя там говорили.

Он улыбнулся:

– Ну, у меня там везде чада.

А в Глинскую пустынь я попал следующим образом. Когда я еще был в миру, Господь послал мне духовного отца архимандрита Варсонофия. Что это был за человек – не передать!.. Он сейчас канонизирован в Херсоне в лике новомучеников Российских. Шестнадцать лет на строгом режиме просидел при Сталине как миссионер-проповедник – это же сильно тогда коммунистами преследовалось. По тюрьмам его таскали, в лагере, в Сибири, был. А потом, когда выпустили – приедет в город какой, обратится к уполномоченному для регистрации, а регистрацию ему дают только на один месяц. «Больше чтоб тебя не было, – говорят. – Куда хочешь иди. Если просрочишь, опять посадим». Где он только не был. Наконец, прислали его в Херсон. И тут мне наши прихожане говорят: «Михаил, – я в миру Михаилом был, – смотри, у нас старец появился». Так я к нему попал в духовные чада.

И вот я ему однажды говорю:

– Батюшка, мне бы если пастухом быть... я хотел бы в лесу... или в поле... чтобы никого не было, – уединение сильно любил.

– Пастухом? А ты знаешь, что такое пастух? Вот когда жарко, корова хвост поднимет и побежит. А ты ж не догонишь. Убежит куда-нибудь в посевы, там «наворочает», а ты будешь отвечать.

«А, – думаю, – тогда не получится. Если б овцы – это еще ничего, они ж не бегают как коровы...» Так пришлось мне расстаться с моей идеей.

Тогда стал я про монастырь спрашивать. Батюшка говорит: «Монастырь – это, конечно, хорошо. Но и здесь бывает двое ворот: в одни входят, в другие выходят».

Я не пойму: как это «выходят»? Тогда он пояснил, что одно бывает желание придти в монастырь, это «входят». А потом некоторые вспять поворачивают – не выдерживают в духовном плане, это «выходят». Я говорю:

– Нет, батюшка, я, если пойду, вертаться уже не буду.

– Подожди, подожди, тебе рано еще – молодой.

Почти два года испытывал, не пускал.

А мне хотелось поскорей. И вот, наконец, батюшка благословил в Киево-Печерскую Лавру.

Когда благословил, мне уже было лет девятнадцать-двадцать.

Приехал я в Киево-Печерскую Лавру. Наместник, владыка Нестор, сказал, что прием в Лавру сейчас ограничен, с пропиской очень сложно. А потом говорит:

– Ты был где-нибудь в монастырях?

– Владыка святый, нигде не был.

– Вот сейчас давай поезжай, куда пожелаешь: в Почаевскую Лавру или в Троице-Сергиевскую, или в Глинскую пустынь, пока я тебе здесь буду прописку с уполномоченным улаживать.

И я сразу поехал в Глинскую пустынь. А Глинская в то время – это рассадник духовности был. Какие там старцы были!.. И отец Серафим (Амелин), и отец Серафим (Романцов), и отец Андроник... А Виталий – он хотя просто послушником был у отца Серафима (Романцова), но принимал всех странников – как отец милосердия был, и вел очень духовную жизнь...

Как приехал я в Глинскую, Виталий меня сразу спросил:

– Как ты?.. Насовсем к нам?

Я говорю:

– Мне в Киево-Печерскую Лавру благословили, там с пропиской очень сложно. Мне посоветовали поехать по монастырям, вот я сюда приехал.

– Хорошо, хорошо.

Ну, он как послушник. А отец Андроник видит, что я прибыл (он же благочинный был) и сразу:

– Ну-ка, ну-ка... Откуда? Где? Что?

Я говорю:

– Батюшка, вот так и так, в Киево-Печерскую Лавру собираюсь поступать, но там с пропиской сложно.

– Давай мы тебя здесь пропишем, если желаешь – у нас свободно.

Отвечаю ему:

– Батюшка, у меня благословение отца Варсонофия, моего старца, в Киево-Печерскую Лавру поступить.

– Ну, раз благословение... Мы, конечно, не можем этого изменить или нарушить. Но если не получится с пропиской – только к нам, – и меня к себе в келью забрал.

В келье у него две коечки было: он на одной, я на другой. Мне тогда еще и двадцати лет не было – совсем молодой, и все мне тогда интересно было. Бывало, ночью просыпаюсь, смотрю: батюшка

уже стоит, молится в схиме, в мантии – но тихо так... Только ляжет, чуть полежит и опять встает, молится. Ну, как преподобный Силуан Афонский – урывками. Но это кто сколько вместить может...

А я хоть и усталый, трудился на послушании, но думаю: «Батюшка встает, и я встану». Подымаюсь и тоже стою тихонько. Батюшка оглянется, а я стою... А тут уже четыре часа, подъем. И батюшка пошел с колокольчиком по коридору... и весь монастырь просыпается, все встают на полунощницу...

Полунощница у них в четыре часа служилась и потом вся остальная служба, где-то до одиннадцати-двенадцати дня; а потом обед; еще в четыре часа вечерня у них была (а утреня служилась с утра после полунощницы); после вечерни перерыв, и опять монашеское правило до девяти. А потом отдых, и в четыре часа утра подъем. Ну, около шести часов сна, потому что учитывали, что молодежь, работали же послушники, им отдохнуть надо. А старцы по кельям знали, когда вставать. Они там вообще не спали – и отец Серафим, и отец Андроник...

В монастыре я на клирос попал, потому что читал и пел еще в миру, когда в свою приходскую церковь ходил. Такая милость Божия – отец Виталий на клиросе и я с ним! И отец Андроник с нами...

И такая благодать! С Москвы приезжают паломники к батюшке Серафиму (Романцову) и говорят: «Батюшка, мы в Елоховском соборе бываем, там Патриарх служит. Там сорок человек певчих, народу пальцем не проткнешь, пять тысяч вмещается. Пение – куда там! Но когда мы приезжаем в вашу Глинскую, как услышим ваши заунывные, жалобные напевы – как будто крылья у нас вырастают, мы как на небе себя чувствуем! Молиться хочется...» Там в Глинской был слепенький Иакинф, он управлял хором, один глаз у него совсем не видел, а другой как зернышко был – чуть-чуть открытый.

И вот на клирос все вместе идем, и на другие послушания (в поле, на сенокос). А Виталий, видать, замечал, кто к чему больше расположен. Видит, что есть некоторые – они хоть и послушники, но какие-то резвые такие, говорят все мирское. Но есть такого склада, что не особо беседуют. А я любил уединение, тишину с самого детства. И Виталий «засек» меня... Так мы подружились с ним.

Помню, был такой случай. Один раз мы с Виталием пошли в Илиодоровский скит. Побыли, возвращаемся и вдруг Виталий мне говорит:

– Какое я чувствую благоухание! Ты слышишь?

Старцы Глинской пустыни (слева направо): иеросхимонах Серафим (Романцов), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш)

– Отец Виталий, я ничего не чую...

И так заскорбел я, что ничего не чую... Думаю: «К чему это он сказал?» – ведь наверняка с каким-то духовным смыслом.

Наставлял меня: «Смотри, Михаил, если в монастырь желаешь, то крепко держись этого пути – хоть в Лавру Киево-Печерскую... а если нет – сюда приезжай». Но Андроник сразу сказал:

– Если не примут – сюда обязательно.

– Батюшка, только к вам.

Отец Виталий – удивительный был человек!.. Когда они в Глинской жили, батюшке отцу Серафиму (Романцову) письма шли – из Москвы, из Питера, из Киева... Просто не успевает батюшка отвечать – лежат и лежат. И вот вызовет Виталия:

– Виталий, видишь письма?

– Вижу, батюшка.

– Вот благословляю: распечатывай их и давай ответы как от меня. И ко мне не обращайся... – ну, батюшка знал, что он умный... да и молился, конечно, за него. – Пиши. А ко мне не подходи и не спрашивай, что писать.

А там проблемы всякие очень сложные!.. Батюшка про это знает, но все равно сам не распечатывает, а отдает Виталию. Виталий возьмет всю пачку в келию, помолится – и давай распечатывать. Такие люди пишут... главврачи, профессора, начальники – духовные чада отца Серафима. А это ж в хрущевское время, там такой нажим был, такие проблемы возникали, что вера у некоторых колебалась – до того уже дело доходило. В отчаянии были. Ну, Виталий как начнет отвечать... Ответ даст, а внизу подпишет: «Схиигумен Серафим». И отправляет.

Они получают: «Ну, все! Мы теперь ожили, мы воскресли! Мы теперь отчаиваться не будем!» Пишут батюшке благодарность: «Ой, батюшка, благодарим Вас! Спасли Вы нас! Мы в отчаянии были»... Он прочитал, вызывает Виталия:

– Ты отвечал таким-то?

– Батюшка, да, по Вашему благословению отвечал.

Посмотрел на него отец Серафим – ничего не сказал... Народу в Глинскую ехало море, к батюшке очередь целая, где тут отвечать... и полунощница, и правило схимническое – он же схиигумен...

Батюшка Серафим – он благодать видел у Виталия, что Виталий сможет... И это действительно так. Когда Виталий был еще маленьким, он бочку деревянную переворачивал, влезал на нее и проповедь говорил. Его мать рассказывала мне. Представьте, история какая: ребенок, а проповедь уже говорит, мать дитю удивлялась. Дар такой... дар слова, рассуждения – это вообще, не найти ни у кого. Семь классов кончил, а потом это не обязательно образование – пошел образование духовное получать...

А батюшка Серафим Виталия благословлял, чтобы он миссионерствовал. Странник он был... И в Глинской он и жил, и проповедовал, и странствовал одновре-

менно. Старцы на такой подвиг его благословили.

...Побыл я в Глинской несколько месяцев. А владыка Нестор мне сказал, что когда вызову тебя, должен приехать – главное чтобы прописать. И я сообщил ему, что я в Глинской. Ответ: «Хорошо, жди вызова». А я еще в Почаевской Лавре не был. Ну и из Глинской в Почаев поехал. А там отец Кукша наш. Ну, Кукша Одесский – это ж такой старец!.. он же с Лавры нашей. А я не застал его, я позже туда пришел. Его КГБисты выслали в Почаев. Ну, гнали, потому что народ за ним шел, он чудеса совершал, прозорливый... там море народу. А чекисты-то следят. Вот и решили в Почаев отправить. В Почаев его прислали, а народ весь туда. Где солнце укроется? Нигде. Он как солнце. Я приезжаю – он там. Я сразу к нему:

– Батюшка, я вот приехал в Киево-Печерскую Лавру поступать, а Вас нет. Сложно там сейчас с пропиской...

– Все будет хорошо, все будет хорошо... поступишь, – успокоил меня.

В Почаеве службы такие пышные, ну, представьте там хор такой, а народу – пальцем не проткнуть!.. Едут и едут паломники... Не так в Лавру нашу Киевскую, как туда – Матерь Божия Почаевская там и Иов преподобный. Везде святыни. Я говорю отцу Кукше:

– Что-то, батюшка, здесь народу многовато... может мне в скит? – а там же скит Свято-Духов в лесу.

Он посмотрел:

– Я вижу, ты безмолвия хочешь, – понял. Говорит: «Благословляю, иди».

А я как поступил туда – ой, хорошо! Там братии мало, тихо. Полунощница в свое время служится, правило монашеское... А поскольку я читать мог и петь, меня сразу на клирос взяли. И пошло. Побыл немножко, братия говорят: «Оставайся!» Ну, а как я? Мне ж нельзя...

Наконец, звонит владыка: «Приезжай срочно. Прописка с участковым уже налажена». А там Житомирская дорога – я сразу на машину и в Лавру приехал. Владыка говорит:

– Все, прописка идет, давай документы, давай паспорт, участковый согласился, – за деньги конечно, тайно...

И меня прописали. Как прописали, владыка сразу взял меня к себе в келейники. В 1951 году это было, и прожил я в монастыре 10 лет, до самого его закрытия.

Когда я в Лавре уже жил, приходит к нам однажды Виталий с целой группой паломников – как странник. Он вообще странничал, батюшка благословлял его. Встретились мы – радости-то было!.. А я келейником у владыки.

– Отец Мардарий, это ты уже келейником?

– Да, отец Виталий.

– О, хорошо, ну-ну-ну... давай, подвизайся. А мы вот паломники, мы нуждаемся в питании.

У меня с этим проблем не было, пойду к келарю – он что угодно даст мне. Да я и у себя имел, не поедал.

Говорю:

– А что нужно?

Пошел в келарню, набил торбы. Приношу Виталию. «Хватит, хватит, – говорит, – мы не дотащим». В общем, обеспечил, как нужно.

С тех пор мы еще больше с ним сдружились... Но на этом, к сожалению, и расстались – до закрытия нашего монастыря (в 1961 году) уже больше с ним не виделись. В следующий раз встретились мы с отцом Виталием уже на Кавказе.

Из писем схиархимандрита Виталия

Мир Вам и Божие благословение из святой обители Глинской пустыни!

Возлюбленные и незабвенные о Господе со всеми во Христе сродниками, близкими и домочадцами вашими!

Так сказал старец своему чаду: Сын мой! если ты хочешь жить посреди людей, то должен исполнять следующее: отнюдь никого не порицать, не осуждать, не гневаться; никого не уничижать, также не помышлять о себе, что сделал когда-либо доброе дело, и остерегайся говорить: такой-то живет хорошо, а такой-то невоздержанно, ибо сие-то и значит: «*не судите*» (Мф. 7 , 1). Но на всех смотри одинаковыми глазами, с одинаковым сердечным расположением, с одинаковым помыслом, в простоте сердца, и принимай с одинаковым помыслом всех, как Самого Христа. Не приклоняй уха твоего к человеку, который клевещет (на ближняго), и не услаждайся (беседою) такового, но содержи уста твоя во многом молчании, будучи медлен на беседу и скор на молитву. И не укоряй никогда клеветника или другого кого, делающего беззаконие, но всегда смотри на свои недостатки, укоряй и уничижай себя ежедневно.

Сие очень спасительно послушающим и с Божиею помощию делающим.

Помоги и благослови, Господи и Царица Небесная, строить до конца дом себе, паче же помышляйте о Небесном доме о Христе Иисусе, Которому слава. Аминь.

Приимите челобитную от глупенькаго Виталия, который во святой обители обитает со святыми отцами и братиями.

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

Часть 6

Вопрос: *В наше время многих монашествующих волнует такая проблема. В монастырях почти нигде нет старческого духовного руководства. На послушания ходишь, в храме бываешь – считается, что все хорошо. Вроде больше ничего и не надо. А как быть тем, кто желает духовного преуспеяния? Смущают помыслы, что поскольку все так живут, то отстать от страстей, не выйдя из среды, которая формирует вот такой дух расслабления и нерадения практически невозможно.*

Ответ: Скажи, пожалуйста: а спасаются ли люди в миру? И сегодня, и сто лет назад, и пятьсот и тысячу? Спасались и спасаются. Хотя в миру всегда действуют страсти в несравнимо большей степени, чем в монастыре. И, тем не менее, люди шли и идут против течения этих мирских страстей, и спасаются. Правильно сказано, что только дохлая рыба плывет по течению, а живая идет против течения. Даже известные современные богословы часто приводят эту фразу, потому что она очень верная – **может** человек, наделенный от Творца разумом и свободной волей, сопротивляться плоти, миру и диаволу. Только если он, конечно, надеется не на себя, и не на какого-то человека (на чисто человеческую помощь), а на единого Господа – тогда с Божией помощью он **может** противиться козням диавольским.

А относительно отсутствия духовного преуспеяния можно сказать следующее. Одна из многих причин нашего бедственного духовного состояния та, что мы ищем загвоздку нашего «торможения» во внешних обстоятельствах, а мало обвиняем (или совсем не обвиняем) себя. И это действительно так – если даже причина кажется очень благословной. Ну, вот как проблема с духовным руководством. Согласен, что вопрос болезненный, и многих ревнующих по Богу он волнует очень сильно. Но все-таки стоит разобраться в этом отношении более безпристрастно.

Чтобы было понятно, о чем пойдет речь, приведу живой пример. Расскажу про одного послушника. Он много лет жил по разным монастырям, подвизался – молился, как мог, трудился – одним словом, искал духовной жизни. Но в монастыре ему было трудно – одолевали искушения... И он, в конце концов, пришел к решению, что единственный выход – идти в пустыню, чтобы не было соблазнов. Общество, конечно, в какой-то степени влияет на наши страсти, формируя нашу внутреннюю настроенность, так что желание этого человека удалиться от соблазнов было вроде бы оправданным. И все у него получалось как бы по-святоотечески – боялся идти на уединение, желал жить со старцем, чтобы быть под опытным руководством, и молился об этом. А в это самое время один старый монах-пустынник тоже молился, чтобы Господь послал ему послушника. И вот когда мы встретились с тем приезжим человеком, и когда он узнал, что монах N. желает принять к себе послушника, то очень обрадовался. Поговорили мы, и я ему посоветовал: «Ты помолись у могилки схиархимандрита Серафима (Романцова) – это старец отца N. Попроси его, чтобы по его молитвам ты укрепился и жил с отцом N. в мире». Послушник принял совет и начал усердно молиться. После молитвы ему даже приснился отец Серафим, и еще два монаха старые вместе с ним. И вот он мне потом рассказывает:

– Старцы мне что-то говорили, но... вроде бы меня ругали за что-то.

– Смотри, – говорю, – ты, наверное, можешь сделать какую-то ошибку. Потому будь внимательным, молись, смиряйся.

Привел его к отцу N., и тот его принял. Послушник посмотрел на старчика – понравился он ему. Когда я уходил, он мне сказал: «Да, это благодатный старец, понравился

он мне. Душа моя расположилась, я буду ему служить».

Так начали они совместно подвизаться во славу Божию.

Но вот прихожу я к ним через некоторое время... И что же слышу?.. «Ему нужен не такой, как я, – жалуется послушник. – Наверное, я с ним не уживусь. Потому что он предъявляет ко мне какие-то нелепые требования. Послал меня делать то-то. А зачем это нужно?..» – в общем, начал судить действия старца. То ему кажется у старца неправильно, то не так, это не этак...

А получилось вот что. Первое время все было нормально. Потом отец N. сказал: «Я готовлюсь к смерти. Пойдем, спустимся к речке, там я видел дерево, из которого я хочу сделать себе крест на могилу – когда умру, чтобы поставили мне его. Дерево это очень прочное, долго не сгниет. Отпилим кусок и подымем наверх, к келье». И вот начали они искать это дерево. Спустились с горы метров на двести вниз. Отцу N. почти 80 лет – уже старик. Конечно, трудно ему идти. Послушник сначала якобы с благими чувствами начал про себя «жалеть» его: «А зачем это нужно? Зачем именно с этого дерева делать крест? Можно и из другого какого-нибудь. И потом ему идти по кустам, мучиться, а мне тащить это дерево оттуда с кустов наверх. Это неблагоразумно». Началось вот с такого благовидного помысла. А потом закончилось ропотом. Да еще взял и высказал все это отцу N. в нескромной форме, смутил старика. Одним словом, произошел между ними раскол... А, между прочим, нужно отметить, что отношения старца с послушником очень тонкие – при таком общении душ задеваются внутри очень нежные, очень сокровенные струны, потому их нужно очень тщательно хранить, а он в резкой форме начал высказываться старцу.

Когда я пришел к ним, отец N. мне говорит: «Я понял, что этот раб Божий у меня не будет как послушник: он работать не хочет, слушаться не хочет. Ему работать в тягость, служить он мне не будет». Решил я их примирить. Говорю послушнику: «Ну зачем тебе это нужно – судить действия старца? Какая тебе разница? Ты пришел сюда служить ради Бога. Какое тебе дело, какой будет крест – дубовый, каштановый или из красного дерева? Ты трудись ради Бога. Сказал он тебе спуститься вниз – спустись. Трудно тащить – ну, потерпи ради Бога. Ты же пришел сюда не для праздного времяпрепровождения, а для духовного подвига, значит, что-то и потерпеть надо. А ты начинаешь мудрствовать: "Можно и каштановый сделать!.." Пойди, смирись пред старцем, попроси прощения, принеси ему, что он желает...» Поговорил так с ним, послушался он. Пошел, попросил прощения, старец обратно его принял...

Но этого послушнику хватило ненадолго – вскоре началось то же самое. И в итоге он, бедный, так и не устоял, сорвался и ушел. А жаль. Сколько он искал, просил, вымаливал себе старца... Нашел. Но действия у него были несоответственные послушнику, потому не сумел он сохранить этого дара...

Вот такие примеры показывают, что люди зачастую обвиняют «неспасительные» условия и ищут «спасительных» как бы с благими целями – чтобы легче было бороться со своими страстями. И Господь по милосердию Своему такие условия дает: и уединение, и подвижническую обстановку, и послушание старцу, но мы не умеем этого сохранять и использовать во спасение. Почему? Потому что мы ищем каких-то благоприятных внешних обстоятельств, а мало обвиняем себя – именно мало обращаем внимание на борьбу со своими страстями. Как этот послушник искал старца, но обязательно (по его пониманию) совершенного, чтобы у него все было, как говорится, без сучка, без задоринки: чтобы он читал его мысли, чтобы он ни в чем не прогневался, не повысил голоса, не сказал чего-нибудь грубого, не заставил сделать чего-нибудь неблагоразумного (как ему показалось, что неразумно делать крест из того дерева, что где-то там внизу находится)... Мы ищем вот таких идеальных условий, которых в практической жизни почти не встречается. И даже, получая, – теряем. Господь дает: послушание, уединение, безмолвие, – и все это теряется самым жалким образом. И враг-диавол гонит неизвестно куда... Вернее, известно куда: в погибель.

И таких скорбных случаев ухода из монастыря в пустыню (которую многие считают «идеалом» духовной жизни) огромное множество. Все эти наглядные примеры еще и еще раз убеждают в том, что случается это по причине, что мы не стремимся пребывать в благоразумии во всех обстоятельствах нашей жизни. Под благоразумием я подразумеваю духовный образ мыслей, основанный на святоотеческом учении и исполнении евангельских заповедей в каждом конкретном случае. Если человек будет всеусиленно стараться так жить, то, думается, во всяком монастыре он сможет спастись. А если не положит этого духовного благоразумия в основание своей жизни, то не устоит нигде, в том числе и в пустыне при всех благоприятных условиях.

Говоря это, я, фактически, своими словами пытаюсь пересказать то, что сказал в свое время святитель Игнатий Брянчанинов: «...знай, что ты везде преуспеешь – и в общежительном, и в штатном монастыре, если займешься изучением и исполнением евангельских заповедей. Напротив того,

везде останешься без преуспеяния и чуждым духовного разума, **везде** придешь в состояние самообольщения и душевного расстройства, если пренебрежешь изучением и исполнением сих заповедей» (5-й том, гл. 6).

Вопрос: *Неужели совсем все так плохо – нет благих примеров?*

Ответ: Я сейчас говорю о духовных ошибках, а не вообще о жизни пустынников. Есть благие примеры. К примеру, отец Алексий (Подройкин) приехал из монастыря в пустынь уже в зрелом возрасте, пожил здесь около шести лет и получил блаженную кончину. Или вот некая послушница приехала сюда жить с серьезным намерением. Она была когда-то директором института нетрадиционной медицины, потом уверовала, покаялась, все это свое занятие бросила и начала усердно заниматься Иисусовой молитвой. Смиренно терпела все случающееся (сколько людской недоброжелательности пришлось ей вытерпеть за свой прежний образ жизни!), и тоже блаженную кончину получила, – есть надежда, что она спаслась.

Еще одна послушница пришла в возрасте 50 лет, причем была она в послушании у неопытной монахини (та даже и не была монахиней, но вела себя как наставница). А эта послушница была болящая, перенесла операцию, у нее был рак. Врачи ей сказали: «Пять лет еще проживешь». И вот она бросила все, пришла в пустыню и так кротко, смиренно терпела все от своей наставницы. Потом она умерла, и мы ее хоронили, и была тихая радость на душе. Радостно было за нее, чувствовалось, что душа блаженную кончину получила, хотя она монашества не приняла и умерла просто послушницей.

И сейчас есть такие благие примеры, которые радуют. Но, надо сказать, подвиг этих людей основан на **полном самоотвержении** – человек готов пойти на смерть, чтобы выполнить послушание. Таковые внимают себе очень строго, очень требовательны к себе, потому и начинают проявляться благие плоды.

Здесь нужно понять правильно: у меня нет намерения кого-то хвалить, а кого-то хулить – все это я говорю исключительно с той целью, чтобы мы могли правильно рассудить о себе и подвизаться. А это будет тогда, когда будем иметь правильный взгляд на себя и благоразумно пользоваться теми обстоятельствами, которые устраиваются нам Промыслом Божиим. Потому что безрассудство все обращает только во вред.

Так что помоги нам, Господи, чтобы, находясь в различных обстоятельствах (и в миру, и в монастыре, и в пустыне) мы не обвиняли ни в чем окружающую нас среду, а обвиняли только себя.

О самоотвержении

«Извольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до минуты закрытия глаз ко сну все время должно так вести дела, чтоб весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения, и все Господа ради, пред лицом Его, во славу Его.

Акты самоотвержения не огромное что суть, а идут среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть под всяким словом, взглядом, движением и под всякою мелочью. Отличительная их черта есть — не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе. Я не умею вам по вашему быту пояснить это примерами. Сами извольте это устроить. Садитесь, например, на диван, приходит желание развалиться и посибаритничать — откажите и приведите члены в напряжение, в струнку.

Подобно этому и во всем. Мелочь это, но из полушек рубль составляется. К концу дня увидите, как совесть вам скажет, что вы добре стояли на страже. И утешение. А главное, навыкши этому на мелочах, и на большом тем охотнее будете также делать».

«Потом у вас идет речь о своих неисправностях, кои все происходят оттого, что у вас недостает решимости отказывать себе в чем-либо... и что в вас царит самоугодие. А между тем на словах выражаете желание спасения и совета спрашиваете, как вести жизнь, чтоб спастись... Сами видите, что вам для своего спасения надо победить самоугодие, как и Спаситель повелел: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себя...* Когда вы это сделаете, тогда и вопроса не будет у вас, как жить, чтоб спастись! Ибо ясно будет и сознано, что спастись вам нельзя иначе, как идти путем самоотверженния... Это и есть тесный путь, *ведущий в живот...*»

«Вопрос ваш — как быть с "я"? — очень естествен в душе, вступившей в путь к самопознанию. Как быть? — Тереть его и стереть в порошок... Камень взять... тот, что, отторгшись от горы, стер в порошок истуканы. Вся жизнь на это назначается... Прием к сему прост: не слушать "я" и идти ему наперекор. Дела его: своему уму верить, своей воле следовать, своему чувству сочувствовать. Самое осязательное обнаружение его жизни есть — саможаление... Отречение от всяких проявлений "я" и делание наперекор ему есть его стирание... Заповедь о сем слышали из уст Самого Господа: *да отвержется себе.* Начните наблюдать над собою... и замечайте проявление своего "я"... и затем — идите против... во всем — и в большом, и малом».

Святитель Феофан Затворник

Схимонахиня Михаила (Сарычева; † 1976)

Старица Михаила

Из воспоминаний о схимонахине Михаиле (Сарычевой)

Часть 2

В конце 1930-х годов матушка Михаила познакомилась со схиигуменом Митрофаном (Мякининым), когда тот был еще в затворе, и часто стала бывать у него. Там все было очень строго, но при этом, как потом вспоминала старица, было всегда духовное ликование, какое-то торжество служб и совместных молитв. Тогда же, очевидно, матушка приняла от отца Митрофана (в то время иеромонаха Серафима) постриг в мантию с именем Митрофания. В Ясырках, где батюшка обитал втайне, в доме жены бывшего председателя Ирины Ивановны, под полами послушницами матушки Митрофании, которая всеми почиталась за прозорливую старицу, был выкопан и обустроен небольшой погребок. В нем отец Митрофан и жил, и молился. Службы совершались в доме по ночам, тайно. Но собиралось достаточное количество народу.

За домом, это было уже в конце войны, пристально следили. Както матушка была там на празднике Успения Божией Матери. После праздника отец Митрофан принес много цветов с Плащаницы и отдал матушке. Он любил, когда мать Митрофания раздавала всем присутствующим эти цветочки и при этом всегда что-нибудь говорила. И вот матушка все цветы раздала, а батюшку обошла. Он и говорит: «Матушка, ну что же это? Сколько я принес цветов, а мне ни одного не досталось». А мать Митрофания ему и говорит: «Да вот ведь, батюшка... вроде бы если давать цветочки – надо что-то говорить, а говорить надо неприятное...» Он все понимал и все же сказал: «Матушка, говори. На все воля Божия». Старица отвечает: «Подлетит "черный ворон" и унесет...» Услышав это, батюшка только повторил: «На все Божия воля». Так и случилось вскоре. Когда батюшку забирали, то защемили ему дверями все пальцы на руках, руки у него потом долго были опухшие. А мать Митрофания встала на молитву. Несколько дней вообще не ложилась – все молилась. Потом слегла ничком – ни двигаться не могла, ни шевелиться, только четки в руках перебирала, не ела почти ничего. Через три недели по милости Божией батюшку отпустили. Но жить ему в Ясырках было уже нельзя.

Все военное время матушка непрестанно молилась Богу как за живых – за тех, кто ушел на фронт, так и за умерших – убитых и замученных в то страшное время. Рассказывает раба Божия Екатерина.

Муж моей сестры Анны во время войны был заведующим складом в летной части. Там обворовали хлебный киоск – украли сто буханок хлеба. А в то время и за одну буханку давали срок. Мужа посадили в тюрьму. Анна не знала, жив ли он вообще. И вот как-то вечером получает она письмо от мужа из лагеря. Утром вместе с ней мы отправились к матушке Михаиле. По дороге зашли и к старшей нашей сестре Марфе. А в этот момент у нее был на побывке ее муж Иван, наш свояк, поправлявшийся после ранения. Мы попросили его, чтобы он дал что-нибудь матушке на гостинчик. Он дал 25 рублей и попросил задать матушке вопрос: будет ли он жив – ведь война еще шла и ему скоро уже надо было отправляться снова на фронт. Матушка в то время находилась в селе Вязковка в доме невестки той самой матушки Афанасии, вместе с которой они все время странствовали. Когда мы пришли, старица сидела и чесала шерсть для четок – ведь она все время была за работой или за молитвой. Мы поздоровались. Ничего еще толком не успели спросить. Только у невестки матушки Афанасии узнали, что сталось с ее мужем. Она сказала, что убит на войне, и в свою очередь спросила у Анны, а что с ее мужем? Жив ли? Мать Михаила опередила мою сестру: «Живой! Живой! В тюрьме сидит». Анна очень удивилась, что старица все уже знает, и даже слегка меня подтолкнула от неожиданности. Передали гостинчик от свояка Вани. Спросили, что с ним станется. Матушка ответила: «Жив будет! Придет. Немного за левую сторону поцарапает, но жив будет!» Так и случилось. Его ранило в грудь слева, осколок застрял в 6 см от сердца. Так он и прожил с этим осколком до самой смерти.

Сразу после войны матушка некоторое время жила в с. Вязковка, в доме у матушки Афанасии, в том самом, из которого та ушла странничать. Дом был маленький, заброшенный. Жить было тяжело – ни хлеба, ни топлива. Но сюда многие приходили к матушке за советом. Мать Афанасия была и хозяйкой, и послушницей, где необходимо, сопровождала мать Михаилу.

Однажды мать Михаила и говорит ей: «Ты, матушка Афанасия, теперь сама должна иметь у себя послушниц». Она провидела высокую жизнь ее. Мать Афанасия была неграмотна – ни одного класса не окончила, все ее правило – была Иисусова молитва. Доживала свой век матушка Афанасия действительно при послушницах и уходе.

Требовала от всех творить милостыню. Рассказывает ее послушница Александра (ныне схимонахиня Феодорита): «Она часто говорила мне: "Шаша (она мое имя не выговаривала), нечего тебе дать в милостыню, то хоть малое дай, ведь и иголочка будет на весах". Или: "Ты не носи платье до дыр, а то и в милостыню нечего будет дать. Да дорогие вещи не покупай, а что подешевле". А однажды мать Афанасия заболела, я к ней приехала и говорю: "Я набрала платочков, чтобы по мне раздали, когда я умру..." А она и отвечает: "Шаша, раздай все сейчас. Теперь 1 рубль, а тогда надо будет 10 рублей давать, сейчас платочек, а тогда 10 надо – вот как дорого раздать все своей рукой"».

Кроме матушки Афанасии у матери Михаилы были и другие послушницы. Одна – Полюшка (в мантии монахиня Пафнутия, в схиме – Евгения). Она вспоминает: «Я с детства старицу знала. Еще в школу ходила – в классе 5-6 была. Я к тете ходила Евангелие читать, сюда и матушка приходила часто. Я уезжала учиться, а мать Митрофания моей маме однажды сказала: "Теть Наташа, ты этой девочке не давай учиться – она там пропадет". Ну а я уехала. Правда, потом все-таки опять к матушке вернулась. Брата Димитрия убили на войне: мама его очень любила и по нему сильно плакала, с ней плохо было. Когда она умерла, я из дома ушла и стала жить у матушки Митрофании в послушании. Помогала им сперва. Матушка Митрофания сидела в затворе, но многие им помогали. Ее возили и на тачке, и на салазках. Я была сильная, молодая! Бывало, и помогу – довезу до какого-нибудь места (тогда к отцу Митрофану еще не всех пускали), а они и говорят: "Ну, Полюшка, вертайся назад". А однажды, на день памяти великомученицы Варвары, мать Афанасия говорит матушке Митрофании: "Мать, давай Полюшку к отцу Митрофану!" И я к ним когда зашла, они запели: "О, прекрасная Варваро!" – я думала – я на небе. Но при этом все очень строго было. Когда вошла к батюшке Митрофану, он и говорит: "Вот и матушка молодая пришла", – это он про меня. А мне хоть бы в яму какую-нибудь провалиться! Даже боялась батюшку...»

Еще одной послушницей была Нюра (Анна, в монашестве Аполлинария). Вспоминает схимонахиня Евгения: «Мы с Нюрой тачки возили – с продуктами, со всякими пожертвованными вещами – матушка их потом кому надо раздавала. Однажды Нюру забрали в тюрьму. Они в семье собирались вечером, пели все духовное. А одна женщина, которая к ним ходила, донесла на них в органы. Матери Нюриной дали три года, а Нюре – год. На допросы ее вызывали с 11 часов ночи

Схиигумен Митрофан (Мякинин) и старица Михаила

до двух! И как же люто били! – она рассказывала, что у нее вся кожа сползала. И пальцы рвали, как собаки дерут (собаки, те еще, может, пожалеют)... И вот мы, бывало, с ней везем тачку, а у нее сил нет. Или вообще, возьмет и заснет в упряжке. Я ей: "Анна! Ты уснула, ты не везешь!" "Это ты, Полюшка, не везешь..." – поспорим. А матушка потом нас ругала: "Идите отсюда, от вас вонь идет!" А мы тогда плачем, плачем! Только и скажем: "Матушка! Мы не будем больше!" – пол весь смочим! Отошли – опять поспорили!.. Послушание ведь надо нести, чтобы не согрешить, чтобы никого не обидеть. А мы с Нюшкой всегда спорили на дороге... Нас отец Евгений (в миру Иван) несколько раз подвозил – он тогда еще шофером работал. Увидим его: "Ой, скорей посади нас, довези немножечко, отдохнем от тачки!" Бывало, еще и матушку в той же тачке возили – она ходила с нами, а когда устанет (она слабенькая всю жизнь была), мы ей: "Матушка, садись на тачку, мы тебя подвезем!" Едем, едем. Устанем: "Матушка, да когда же кончатся все эти искушения. Этот «нокин» замучил – без конца искушает и искушает! Никакого нет терпения и сил не хватает!" А она и говорит: "Полюшка, а он как выскочил с тачки! – Катается! – глаза огненные, язык огненный, хвост крючком и голосит: «А я вам не хорош?! Все награды из-за меня получаете – и я вам не хорош»"...

В один год у нас ничего из пропитания не было.

– Матушка, да чем же будем жить-то?

– Ты этим пропитаешься, ты – тем.

А мы с Нюрой вместе сидим и спрашиваем:

– Матушка, а мы чем же?

– А вам котелок с капустой! – и капуста в тот год уродилась. Мы ее ели-ели и почему-то не пухли, а то весь народ пух...».

...Живет в одном поселке в Тамбовской области человек, уже в годах. Он с детства знал матушку. После армии ушел в Почаевскую Лавру, принял монашество. После разгона монастыря служил на приходах Тамбовской епархии. Стал диаконом, потом иеромонахом, потом игуменом – говорили, что он был большим молитвенником. А потом случилось невероятное – он сошелся с женщиной, женился, прожил с ней несколько месяцев, и она его бросила... Все это матушкой было предсказано[1]. В нашем повествовании мы условно назовем его И.К.

Вот его воспоминания: «Матушку Михаилу я знал только начав ходить, лет с трех-четырех. Они и матушка Михаила, и мать Афанасия, и Полюшка всегда, когда в Ячейку или на другие послушания ходили, всегда у моей бабушки останавливались. Когда бабушка с моей мамой (а ей было лет пятнадцать) жили в ссылке, им являлся святитель Николай. Матушка Ми-

[1] Было предсказано ею также, что на склоне лет все потерянное ему вернется. Это человек очень большого покаянного чувства, просим вас помолиться о рабе Божием Иоанне, он теперь очень нуждается в ваших молитвах.

хаила у бабушки, бывало, подолгу – по неделе и больше задерживалась. У бабушки маленькая хатеночка была, вросшая в землю, для других неброская, а старица любила в ней бывать. Ну и я туда приходил. Мама, как узнает, что мать Михаила здесь, говорит мне: "Ты отнеси ей молочко, чтобы матушку порадовать". У нас, слава Богу, коровка всегда была. Тогда же хлеба не было, пекли лепешки с примесью лебеды. Не хлеб – одно название! Но все равно бабушка встречала их и хоть как-нибудь, но угощение сделает получше, потому что старица с детства всегда больная была. И как-то всегда она плохо ножками ходила.

Лет в пять я уже знал и отца Митрофана. У нас радостное детство было, потому что каждым батюшкиным словом мы дорожили. Что батюшка сказал – так это уже все: уже никакому обсуждению ничего не подлежит, потому что знали, кто такой батюшка и кто такая матушка Михаила. От нас Ячейка (место, где служил о. Митрофан) была в 25 километрах. Ячейка – в Воронежской области, я жил в с. Кужновка на самом краю Тамбовской области, а там, с другой стороны Липецкая область. Бывало, побегу к батюшке, портфель спрячу и 25 километров за раз! Ну, детство было! Конечно, не успевал к началу литургии, но в храм придешь – служба еще идет, в храме еще есть люди. Под праздники всегда старцы – матушка Михаила, матушка Серафима (Мичуринская) и другие – откуда-то издалека приезжали к батюшке.

Матушкины слова никогда не были сказаны вскользь – она говорила точно, определенно. И мягко – никогда с гневом, повышенным голосом. Всегда мягко, чисто.

Как-то мне мама рассказывала, когда мне было три годика, я сидел на печи. Матушка посмотрела на меня и говорит: "А этот у вас батюшкой будет". А про мое падение она сказала лет за пятнадцать вперед:

– Вот так и так с тобой будет.

– Матушка, миленькая, да как же это со мной будет, когда я к этому ну никак не причастен?! Я для этого не родился.

– А вот так. И как будет трудно тебе восстановиться!..

Так и пришло это время. Так вскружилось, что и опомниться не успел. Двадцать пять лет с тех пор прошло. И какие только люди не хлопотали о моем восстановлении! А воз и ныне там.

Матушка не для себя жила – для людей. Спасала людей. Некоторых отсылала в монастырь. Матушке все никак не выдавали документы. Помогла сестра отца Трифона, ныне схимонахиня Иоасафа, насельница Алексеево-Акатова монастыря г. Воронежа. Отец Трифон в Питиме служил. Он раньше был гармонистом, Ленькой звали. Его сестра привела к старице:

– Матушка, да выведи ты его, чтоб он духовным был!

Мать Михаила ему и говорит:

– Ленька, я не знаю, как ты сам хочешь, но ты будешь маленький попенок!

А он:

– Матушка, да какой из меня поп! – облачение надену, а оно будет по земле тянуться! – он ростом небольшой был.

А впоследствии сбылось: "маленький попенок" – не то, что был маленький ростом, а то, что он мало прожил. Матушка говорила притчами, у нее слова мудрые были.

Один молодой человек, Павел, ходил к матушке. Она ему говорит: "Паша, а ты будешь священником". "Матушка, да какой из меня поп?!" "Вот будешь батюшкой!" И он потом окончил семинарию, академию и служил в Курской епархии. Звали его отец Павел Санталов. На склоне лет он был пострижен в великую схиму с именем Нифонт. Умер в 2005 году.

Матушка в детстве только лишь читать и научилась, образования никакого не получила. А когда Господь ей открывал – она могла говорить наравне с любым ученым человеком. Когда я уезжал в Почаевскую Лавру, моя младшая сестренка Нина плакала по мне: "Бла-а-атка, ты от нас уезжаешь! Ты нас блоса-а-ешь!" А матушка говорит: "Да он приедет! Годика три побудет и приедет!" – и вправду, скит закрыли, а нас всех выпроводили восвояси.

Мичуринская старица Серафима (Белоусова), старец Митрофан (Мякинин) и старица Михаила

Когда я еще был в монастыре, меня приезжал отец Митрофан проведать. Когда он вернулся, то говорит старице Михаиле: "Матушка, а там еще какой-то монашонок пристал". А мать Михаила отвечает: "Да это наш теперь. Тоже наш, батюшка! Ты его не отгоняй – он наш, он приедет к нам", – это она про отца Макария (Болотова) говорила, мы с ним дружили в монастыре.

Вспоминается и такой случай. Еще во время войны женщины в колхозе пололи свеклу. Настал обед, сели отдохнуть. А в это время мимо пролетал немецкий самолет. Одна женщина, Пелагея, и говорит спроста: "Вот, пролетел – нас не тронул. А мужики на войне – сбросит бомбы – всех побьет". А с ними рядом сидела жена председателя колхоза, она и сболтнула об этом мужу. Он тут же куда-то позвонил, и тем же вечером приехал "черный ворон" и женщину забрали. Сидела в карцере, приговорили к расстрелу по 58 статье. Бабушка моя побежала к матери Михаиле: "Да что же делать?! Пелагею осудили под расстрел". А она ей: "Бабушка, не горься – как картошка зацветет, она и приедет". Через три года, как раз во время цветения картошки, женщина вернулась из лагеря. Отпустили ее.

Мой отец с дядей украли во время войны мешок зерна в колхозе. А тогда было очень строго – за

горсть зерна давали 5 лет! Забрали их в милицию. Мама пошла к бабушке Иулиании:

– Что же делать? Кузю забрали в милицию!

– Я пойду к матушке, как она нам скажет.

Пришла:

– Матушка, вот так и так: у дочки мужа забрали.

А та ей:

– Бабушка, да ты скажи ей, чтобы она не горевала. Ваш-то отвертится, а второго посадят.

Так и вышло.

Если вы приходили к ней, она переживала, молила Бога, чтобы Он открыл что-нибудь о вашем спасении. Очень тяжело было матушке за каждую душу. Старица, бывало, начнет говорить, а мы все собираемся. Вокруг много монастырских матушек было, выгнанных из обителей. Они ходили к отцу Митрофану и с ним беседовали. Матушка начнет говорить – ни одного греха не скроет. От зачатия и до смерти – все человеку скажет! "А еще, – говорила, – бывает, в молодости нагрешат, впоследствии примут монашество, вроде тишь да гладь – а грехи-то остаются нераскаянными. Хоть человек и исправляется, а остается признак, что был грех". Она, бывало, говорит, говорит – они вертятся, вертятся! Неудобно! А батюшка Митрофан ляжет и лежит. Он полежит: "Матушка, да, может, я уйду?" – ему тоже за них неудобно. Уходит. А мы когда приходим домой: "Матушка, да ты бы им не все говорила!" Она отвечает: "Девчонки, не могу скрыть! Стоит Ангел, открыта книга, написано золотыми буквами! Ни одну букву не могу пропустить!" От матушки ничего не скроешь, ни одного греха! Лежит покойник, сколько уж лет – она скажет, за какие грехи он там страдает! Она вымаливала. Матушка великая молитвенница была. Старцы наши по ночам не спали, а нам на послушание вставать надо было рано, боялись, что проспим...Матушка говорила нам, как за умерших молиться, как подавать за них, как их выручать. У нее была большая картина "Житейское море". Плавают на кораблях, на лодках и баржах монашествующие в виде Ангелов и достают души. А церковки маленькие нарисованы – в них одни батюшки. Кто-то из людей стоит на берегу. Рядом с ними Ангел. А бес подходит к человеку и в грудь его толкает! Мы знали, что это гордость. Мать Михаила часто на этой картине показывала человеку его место в этом житейском море, где тот находится в данный момент – на берегу или в бурных водах. А про мать Афанасию говорила: "Вот она всегда на пенечке сидит"... О большинстве священников матушка говорила хорошо. Тогда батюшки благоговейно служили, со страхом, Бога боялись. Батюшек к матушке много ходило.

Картина «Житейское море»

Однажды все матушки – старицы собрались в Ячейку к отцу Митрофану. Он именинник был. Мать Михаила обращается к нему: "Батюшка! А ты видел, какие грешники-то подходили к тебе, с какими мешками?!" Матушке так было открыто – она видела людей как бы с тяжестью грехов на плечах. Потом продолжила: "Ведь иные подошли – немножко отбавили, иные целые мешки сбрасывали рядом с батюшкой, облегчали душу, а иные как подходили согбенные – такие же от батюшки и отходили"»...

Вспоминает схимонахиня Евгения (Полюшка):

«Матушка не терпела ни одного греха. За людей так молилась, что после больная в постели лежала. Болела матушка за каждую душу.

Со старцами ведь жить легко, но строго было во всем – чтобы ни одной йоты не было непослушания – все точно. С ними хоть телесно тяжело, но на душе – всегда Пасха. Живое слово – оно всегда очень дорого для спасения души. А сейчас живешь – не зная как...

Мы за послушание ткали холсты. Матушка давала каждому работу по мере его сил. Как холсты были готовы, то возили в Киев – монахам на одежду.

Однажды она мне сказала: "Полюшка, вот мы с тобой вместе живем, а хоронить меня тебе не придется. Тебя не будет на похоронах..." – точно не было! На послушание уехали, приехали – а ее уже похоронили. И еще сказала: "Полюшка, тебя перед твоей смертью далеко-далеко увезут, а потом привезут". Как все будет, неизвестно.

Помню еще, что матушка сказала страшное:

– Вся земля прикрыта гноем от убиенных во чреве детей. А воздух наполнен богохульством. Вот почему раньше молиться было легче – меньше было богохульства. А сейчас бес уже чуть в алтарь не входит. А когда батюшка совершает проскомидию, то он на него кидается, чтоб сбить, чтоб он никого не помянул. Или хоть память отбить...

В то время, когда еще не разрешали открыто молиться, мы лазали в погреб – петь. Хотелось петь, а боялись. Мы спрашивали:

– Матушка, да когда же это кончится?!

А она говорит:

– Вы не горьтесь. Придет время – откроют церкви, монастыри. Даже будут уговаривать Богу молиться, и кресты все наденут. Но на малое время – а потом гонения будут не меньшие, чем теперь...»

(Продолжение следует)

Тихая лесная обитель

История Свято-Тихоновского монастыря

Глава 2

Год 1861 вошел в историю Задонска и всей России как год прославления святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского. Это событие было одним из наиболее значимых для Руси православной девятнадцатого столетия. А потому и неудивительно, что многие христолюбивые благотворители обратили свои взоры в те дни именно на Задонск. Был среди таковых и некий господин Костомаров — помещик Ливенского уезда. Расставаясь со своей жизнью земной в 1861 году, он, по духовному завещанию, отказал монастырю Задонскому землю площадью 250 десятин (около 260 гектаров), находившуюся «в Ливенском же уезде». Но, как сообщает отец Геронтий, по причине отдаленности места «удержать однакож за собою это имение монастырю Задонскому было неудобно»...

И тогда архимандрит Димитрий (Григорьев), с 1860 года пребывавший в должности настоятеля Задонского Богородицкого монастыря, продолжая начатое в 1850-е годы о. Серафимом, решил использовать возникшую благоприятную возможность для расширения монастырских владений у «Тихоновского источника» на берегу Проходни. А потому костомаровское имение на ливенской земле было тогда же выгодно продано «с разрешения епархиального начальства». На вырученные деньги архимандрит Димитрий «тогда же приобрел покупкой равное количество земли с лесом 250 десятин в Задонском уезде, в Семеновской лесной даче». По просьбе обители и с согласия владельцев прилегающих земель здесь заново было проведено размежевание. В результате новоприобретенный участок с севера примкнул к меже прежнего монастырского участка на берегу Проходни, включавшего часть берега лесной речки со святым источником, луговое ее правобережье и 41 десятину леса, где разместились пасека и кельи иноков-пасечников.

Таким образом, в первой половине 1860-х годов Задонский Богородицкий монастырь стал обладателем довольно обширной территории, непосредственно примыкающей к почитавшемуся в народе источнику, освященному трудами и молитвами святого Тихона Задонского. Это позволяло не только увековечить память о святости этого места учреждением здесь монашеской общины, но и дать таковой общине средства к существованию. Впрочем, учитывая, что получить согласие Св. Синода на основание новой обители будет непросто, архимандрит Димитрий, управитель не только деятельный, но и весьма дипломатичный, не торопил события. Для начала он позаботился об обустройстве и укреплении тех начатков монашеского общежития, что уже начали складываться в «Семеновской лесной даче».

Формально, речь изначально шла всего лишь об устроении в «лесной даче» малого деревянного храма во имя новоявленного угодника Божия, святителя и чудотворца Тихона «с тем, чтобы при этом храме находящаяся с восточной его стороны площадь была бы отведена под братское Задонского монастыря кладбище». Это было действительно необходимо, так как по словам о. Геронтия, «при расширении монастырских построек, хоронить умерших братий внутри обители Задонской стало уже тесно, и в гигиеническом отношении неудобно, даже вредно».

При удобном случае архимандрит Димитрий рассказал о своих намерениях правящему архиерею — архиепископу Воронежскому Иосифу (Богословскому). Владыка, немало потрудившийся дабы осуществилось прославления св. Тихона, одобрил предложенное и устно благословил Задонского настоятеля на осуществление задуманного. То, что документально это не оформлялось, видимо, свидетельствует о уже тогда сложившемся намерении в перспективе основать у «Тихоновского источника» новый монастырь и добиваться его официального признания. И отец Геронтий сообщает о том, что архимандрит Димитрий поставил своей целью «почтить домом молитвенным и ознаменовать место, где нередко любил предаваться Богомыслию при жизни своей Угодник Божий».

Тем более, что в восприятии населения округи малая общинка монахов-трудников, жившая при пасеке, так, собственно, и воспринималась. Она получила «в народе самобытное название "Ским"». А с годами, глядя на уединенную, тихую жизнь тех, кому вверено было попечение о пасеке обители, многие монахи, из тех что постарше, не раз обращались к отцу настоятелю с просьбой благословить их на «лесное безмолвие». Первым, кто получил такое благословение, стал иеросхимонах Тихон (Кривской), которого отец Геронтий именует «глубоко уважаемый старец».

Отец Тихон, думается, не случайно избравший это имя при принятии великого ангельского образа, действительно в полной мере продолжил традицию послеслования заповеданному святителем Тихоном беззаветному, вне мира и его условностей, служению Господу.

Старец сей, известный строгой, благочестивой жизнью, родился в 1797 году в слободе Лосевой, Павловского уезда, Воронежской губернии. В миру звался Михаил Кривской. Происходил из крестьян. По жребию попал в солдаты и отдал военной службе 32 года. В 1836 году поступил послушником в Воронежский Алексеевский монастырь, где и был пострижен спустя 10 лет в монашество под именем Митрофана. В году следующем совершилось рукоположение его во иеродиакона, а затем — во иеромонаха.

В 1860 году указом Воронежской духовной консистории иеромонах Митрофан перемещен в Задонский Богородицкий монастырь. Здесь, по склонности к уединенному богомыслию в 1861 году избрал отец Митрофан для жительства создававшийся попечением архимандрита Димитрия скит на берегу Проходни. В 1862 году принял в стенах Богородицкого монастыря схиму, ибо в скиту не было церкви, чтобы совершить великий постриг. Появилась она в лесной обители лишь спустя 3 года.

В 1865 году в скит была перевезена из села Гнилуша деревянная церковь, освященная еще самим святителем Тихоном в бытность его на Воронежской кафедре. Под сводами этой старинной церкви и состоялось отпевание иеросхимонаха Тихона, скончавшегося 7 октября 1866 года.

Строгость жизни и мудрые благочестивые советы старца, бывшего духовником братским, привлекали к нему во дни жизни земной многих, жаждавших спасения своей души. Он всех утешал благодатным словом Священного Писания и подкреплял духовными примерами, проверенными собственным опытом. А потому память о иеросхимонахе Тихоне сохранялась и почиталась местно на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до послереволюционного разорения. И духовные подвиги, а также детали пребывания отца Тихона в «Скиту» дали почву для смешения памяти о двух единоименных праведниках, подвизавшихся в лесном уединении на берегу Проходни...

Упокоен иеросхимонах Тихон был с правой стороны алтаря новоустроенной церкви, освященной во имя св. Тихона, чудотворца Задонского, как и желалось то архимандриту Димитрию с братиею.

А смонтировали старинный деревянный храм на специально возведенном основательном каменном цоколе, по сути представлявшем самостоятельный первый этаж, где устроены были братская трапезная и кухня. Рядом разместились келии насельников, которых с каждым годом становилось больше.

Был в их числе и еще один праведник, память о коем заслуженно почиталась в лесном монастыре — схимонах Спиридон, как и старший его современник — иеросхимонах Тихон — также перешедший в эту пустыню из Задонского монастыря по любви к уединенной, неразвлекаемой молитве. Спиридон Куликов в мирской жизни был военным. Служил хорошо; уволился «с правом кандидата на офицера». Но избрал *часть благую*. И в 1850 году поступил послушником в Задонский Богородицкий монастырь. Пострижен в монашество с именем Сосипатра был в 1867 г. В схиму же облекся с прежним именем — Спиридона, в 1870 году. По словам отца Геронтия, несомненно, лично знавшего старца: «Он за несколько дней предузнал свою кончину; умер тихо 23 мая 1881 года с Иисусовою молитвою на устах, лобызая при этом находившиеся в руках его монашеские четки. Погребен был с правой стороны алтаря Тихоновской церкви — рядом с могилою иеросхимонаха Тихона.

Теплый храм Тихоновского мужского монастыря («Скита»), устроенный из старинной деревянной церкви села Гнилуша, освященной святым Тихоном в годы пребывания его на Воронежской епископской кафедре. Фото начала XX в.

Здесь же, за алтарем храма во имя святителя Тихона, покоился и иеромонах Мелхиседек, подробности жития коего от нас сокрыты. Но достоверно известно, что почиталась его память в лесной обители, ибо старец при жизни отличался «редкою честностью и правдивостью своего характера».

Рядом с этими столпами благочестия спасались в лесном уединении и другие достойные старцы. Архимандрит же Димитрий делал все, чтобы возлюбившие уединенное безмолвие ни в чем не нуждались и жили привычным монашеским уставом. Причем, как свидетельствует отец Геронтий, на обустройство «Скита» шли в первую очередь личные средства архимандрита. «Заботясь существенным образом об упрочении экономической стороны во вновь возникшей Тихоновской обители, строитель, ее незабвенный отец архимандрит Димитрий, не жалел на ее благоустройство ни своих трудов, ни собственных средств, которых, по словам лиц, пользовавшихся доверием покойного старца, положено было им в основу обители немало».

А потому спустя три года после устроения здесь храма, «все тут в общем походило уже как бы на монастырь».

Но одних личных средств архимандрита Димитрия, даже и подкрепленных щедрыми, но разовыми даяниями жертвователей, конечно, хватало только на неотложные нужды «как по отношению содержания братии, так и на достройку самой обители, требовавшей еще многого». Поэтому вскоре стало ясно, что нелегко будет отцу архимандриту довести начатые труды до видевшегося в благочестивых помыслах финала — украшения места сего святою обителью. «И, — как свидетельствует отец Геронтий, бывший непосредственым тому свидетелем, — только одно сильное упование на невидимое содействие святителя Христова Тихона подкрепляло старческий дух и энергию в деятельном распорядителе, задавшемся почтить домом молитвенным и ознаменовать место, где нередко любил предаваться Богомыслию при жизни своей угодник Божий. Ежедневно усердно молился старец пред нетленными мощами святителя Тихона, прося его благодатнаго содействия в начатом действии и услышан был *от благоговейнства* (Евр. 5, 7)».

Л. МОРЕВ

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

Письмо монаха Давида к рабе Божией Нине Григорьевне и брату Иоанну

Часть 2

В то время я случайно узнал, что в одном из близлежащих селений живет некая старуха, которая каким-то образом лечит различные болезни, что врачам не под силу...

Конечно, мне, будучи молодым студентом, ехать лечиться к какой-то старухе было неудобно и стыдно. Но тяжелое душевное и физическое состояние заставило меня решиться испытать это последнее, как мне казалось, средство избавления от недуга.

М.К.[1]*: Впору вспомнить слова апостола Павла: «Кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11, 34). Ведь сколько вреда душевного и телесного наносят людям колдуны и разного рода «целители»! Сколько душ из-за них подпали под власть демонов и запутались в крепких тенетах смертных грехов, в том числе суеверия, неверия, кощунства и богохульства. От общения человека с миром падших духов – напрямую ли, или же через людей-служителей – добра не ждать. Но в случае с юным Михаилом из зла обращения к «бабке» Господь Своим Всепремудрым Промыслом извел добро возвращения заблудшей души к истинной вере в Бога.*

Просвещение душевных очей юноши наступило, конечно, не сразу. Как видно из его откровенного письма, сначала он думал, что бабка-«целительница» помогает людям посредством своих молитв к Богу и Матери Божией. Позже Михаил разобрался во всей этой духовной путанице (кто и какой силой «помогает», почему чародеи иногда «молятся» и в чем же заключается истинное исцеление) и искренно покаялся в своих заблуждениях. Но на первом этапе его пути от неверия к вере именно это, пусть и не совсем правильное понимание, явилось решающим. «Значит, реально существует сверхъестественный мир: существует Бог, Матерь Божия, ангелы, святые», – сделал вывод паренек, воспитанный в традициях безбожной советской школы. И в его душе вдруг возгорелась искра живой веры: «Царица Небесная, теперь я верю, что Ты есть. Прости меня и помоги мне!..» С этим сердечным воплем вошел в его душу луч просвещающей и животворящей благодати Божией, которая и повела его далее от тьмы к свету по пути спасения.

Долго и дорого пришлось расплачиваться Михаилу за «услуги» чародеев, ибо невидимая брань с сатаной в разных формах продолжалась у него до самой смерти. Но он, сознавая свой тяжкий грех, мужественно и терпеливо нес крест бесовской брани с крепким упованием на милость Божию и Царицы Небесной. И вера его не была посрамлена (как то и засвидетельствовала в дальнейшем Сама Царица Небесная), ибо вся та брань явилась для монаха Давида величайшим подвигом борьбы за верность Богу и любовь к Нему.

...Много можно писать о моем путешествии к старухе, но не буду отвлекать Вашего внимания от основного повествования – скажу только самое главное. Когда я приехал, бабка посадила меня на стул и сама села рядом. Потом, как будто обращаясь к кому-то невидимому, спросила: «Не я ли ему сделала?» И вдруг как зазевает, как зазевает, да и говорит: «Не я, не я!» «Ох-ох, – промелькнула у меня мысль, – куда я попал?.. Она говорит: "Не я ли ему сделала?", значит, она тоже делает такие порчи людям, а я приехал к ней лечиться! Еще, чего доброго, так "вылечит", что и скончаешься!.. Что же мне делать?.. Сидеть и ждать, что будет дальше или убежать, пока не поздно?.. Нет, посижу, послушаю, что она будет еще говорить».

Вдруг старуха начала перечислять все мои болезни, хотя перед этим она меня ни о чем не расспрашивала (даже не спросила, зачем я к ней приехал). Это меня очень удивило и вызвало интерес.

Потом она начала молиться: «Царица Небесная, Ты всем помогаешь, помоги и ему... помоги и ему. Он крещеный и молится».

Когда старуха сказала «он молится», меня начала обличать совесть – ведь я уже давным-давно перестал молиться.

И тогда в уме своем я подумал: «Если к этой старухе ездит лечиться столько народа, и если она, обращаясь к Царице Небесной, помогает нуждающимся, значит, есть в самом деле Царица Небесная, Которая, по словам старухи, "всем помогает"». И тогда

[1] Курсивом с пометкой «*М.К.*» выделены пояснения автора рубрики монаха Константина (*прим. ред.*).

я подумал: «Царица Небесная, теперь я верю, что Ты есть. Прости меня и помоги мне. Ты ведь знаешь, как мне тяжело. Помоги мне...»

Когда я так помолился в уме, то сразу почувствовал, как внутри у меня (в области желудка) начало происходить какое-то перемещение. Это перемещение было настолько ощутимым, что казалось, будто чья-то невидимая рука что-то во мне переставляет...

Провожая меня, старуха сказала: «Что-то очень трудно отходит. Помогло только наполовину. Приедешь еще раз, желательно вечером. Езжай, пускай Бог помогает».

После этого визита моя болезнь была как рукой снята. Но вместо нее приключилось другое горе – для тела и для души. (В чем выражалось горе для души, описывать не буду, скажу только, что это страшное душевное состояние преследовало меня долгие годы и отошло только после принятия монашеского пострига).

Горе же для тела заключалось в следующем: мне казалось, будто я проглотил горящие угли – так сильно жгло в желудке. К тому же напала непреодолимая сонливость. Несмотря на то, что я спал по двенадцать часов в сутки, едва мог удерживаться, чтобы не спать на лекциях. Кроме того, начались перебои в сердечном ритме. Несколько раз, на непродолжительное время, сердце останавливалось вообще... Это очень страшно...

По прошествии некоторого времени пришлось ехать к старухе во второй раз, после чего я понял, что лучше вообще не ездить ни к каким «старухам». Ее слова и поведение меня насторожили. Впоследствии я узнал, что хоть эти разные бабки и читают иногда церковные молитвы и призывают святые имена, но это еще вовсе не значит, что они – угодницы Божии, и что к ним можно обращаться за помощью...

После вторичной поездки нашли на меня тоска и уныние. Я понял, что живу не так, как должно; понял, что реально существует сверхъестественная сила. Мои взгляды на жизнь и земное назначение человека в корне изменились – я понял, что первична не материя, как о том непрестанно нам вдалбливали в головы во время учебы, а сознание. О, горький обман!.. Теперь вся моя прежняя жизнь показалась мне пустой и безсмысленной. Все нужно было пересматривать и перестраивать заново...

Мне очень запомнились слова той старухи: «Царица Небесная, Ты всем помогаешь, помоги и ему... помоги и ему» и «что-то очень трудно отходит». Я подумал: «Если трудно отходит, значит, Царица Небесная не с охотой помогает мне. Следовательно, я чем-то прогневал Ее. Чем бы мне искупить свою вину? Где тот путь, которым можно сблизиться с Ней?»

У меня возникло непреодолимое желание как можно больше узнать о Царице Небесной, Которая избавила меня от такой тяжкой болезни...

М.К.: А избавила именно Она – Та, к Которой был вознесен его сердечный покаянный вопль: «Царица Небесная, прости меня и помоги мне!», а не заговоры и «молитвы» бабки-«целительницы».

Мне очень захотелось найти человека, который просветил бы меня светом Истины, но где найти такового, я не знал. У меня возникло твердое желание пойти в храм помолиться Богу, однако, к большому прискорбию, я не знал ни одного храма в Киеве, а спросить у кого-то было стыдно...

В таком томлении прошло некоторое время. Но вот к моей хозяйке, у которой я жил на квартире, однажды пришла соседка, да и говорит:

– Вы знаете, Мария Сергеевна, мы с Володей в прошлое воскресенье были во Владимирском соборе. Так нам понравилось!

– Я тоже бывала в соборе, – ответила хозяйка. – Но с тех пор, как получила эту квартиру, ни разу там не была. И даже не знаю, как отсюда туда ехать.

– Очень просто, – сказала соседка. – Нужно сесть на трамвай № 29 и доехать до метро «Дарница». На метро доехать до станции «Университет», и там уже рядом.

Я был безконечно рад, что так неожиданно представилась возможность узнать, как попасть в собор. Этот разговор был в субботу, а на следующий день, в воскресенье, я собрался и, ничего не сказав хозяйке, отправился по указанному маршруту.

Когда я вышел на станции «Университет», то, посмотрев по сторонам, нигде не увидел никакого храма. Тогда я решил смотреть на людей, чтобы по направлению стариков и старух попытаться определить место расположения собора. Но, к большому моему сожалению, на глаза не попадался ни один старик, ни одна старуха – везде была молодежь. Осмотревшись, я стал решать: что же мне делать дальше? И вдруг... ударили в колокола!.. Чуть ли не бегом я направился в сторону, откуда доносился тот вожделенный звон.

И вот я, наконец, у собора. Парадный вход был открыт – через него как раз заходил митрополит. Вслед за митрополитом двинулись стоявшие у дверей люди. Я быстро присоединился к ним.

Когда я вошел в собор, мною овладел какой-то страх. Я уставился в пол, боясь оглядеться по сторонам. Казалось, что все взгляды обращены на меня, и непременно должно случиться что-то страшное: меня увидит здесь кто-то из преподавателей или сту-

дентов. Наклонив от смущения голову вниз и пытаясь остаться незамеченным, я начал медленно продвигаться вперед.

***М.К.:** Сегодня этот страх в храме может казаться странным и непонятным. Но нужно помнить, что описанные события происходили в 60-е годы XX столетия, во времена хрущевского давления на Церковь. Молодому человеку-студенту в те годы проявить свою веру в Бога было равносильно решиться зарекомендовать себя перед обществом «больным на голову» и тем самым предать себя на постоянное психологическое давление со стороны сокурсников и преподавателей, а то и вовсе быть исключенным из учебного заведения.*

Я достиг уже почти середины храма, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. «Ну, все!.. – промелькнула мысль. – Это уже точно кто-то знакомый!..» От этого мне стало еще страшнее. Я не решался глянуть в ту сторону, откуда на меня кто-то смотрел. Но взгляд был настолько сильным, что я не выдержал...

На меня кто-то смотрел откуда-то сверху. Я поднял голову, и мои глаза встретились с глазами какой-то Женщины, Которая с иконы смотрела прямо на меня. Я ясно увидел, как Она повернулась в мою сторону. Вид Ее изменился... Она смотрела именно на меня... Потом улыбнулась...[2]

Этим событием, совершенно неожиданным, я был очень поражен. Во мне промелькнула мысль: «Да! Это Она!.. Это Та Царица Небесная, Которая всем помогает (по словам той старухи), и мне помогла тоже. Это Та, Которая избавила меня от невыносимо тяжкой болезни!»

Мои глаза заполнили слезы. Хотелось кричать: «Люди, я нашел Истину! Вот она!.. Я нашел ее сегодня, сейчас!.. Вчера, подобно вам, я безцельно бродил по улицам, а сегодня нашел то, что ценнее всего!.. Не суетитесь же попусту, идите сюда, только здесь Истина!»

Слезы катились градом и застилали мне глаза. Я ничего уже не видел вокруг – наклонив голову вниз, стоял и беззвучно плакал. Внезапно обнаружилось все безумие моей «мудрости». Моя голова, постоянно гордо поднятая вверх, на сей раз опустилась. Я почувствовал себя несчастным и жалким. Мне стало стыдно, что в безумии своем я начал было отрицать бытие Божие. Прежде прожитые годы показались пустыми и безцельными. Захотелось начать жить совершенно поиному. Я понял, что еще не все потеряно, и еще можно все исправить. Меня утешала и подавала надежду на спасение приветливая улыбка Царицы Небесной.

Когда через некоторое время я снова посмотрел на этот образ, он был уже таким, как обычно. (Это тот образ, который находится в центральной апсиде, прямо над алтарем). Пройдя вперед, я внимательно следил за ходом службы. Мне все очень нравилось. Казалось, что я попал как раз туда, где мне нужно было быть уже давно...

Следующий раз в храм удалось попасть нескоро, т.к. подоспели каникулы, и я уехал домой. Ни на квартире, ни дома я никому ничего не говорил: ни о том, что ездил к старухе, ни о том, что ходил в собор на службу. Семья, увидев, что у меня исчезла болезнь, удивилась, но не очень. Все думали, что как она началась без причины, так и ушла...

Я тайно от всех ежедневно стал молиться. Молился своими словами, так как те молитвы, которые знал с детства, были короткие и не могли выразить всех моих чувств. Для этих занятий мне представилась неограниченная возможность – родители ничего не давали мне делать, чтобы я хорошенько отдохнул за время каникул.

Сестра тоже была на каникулах, и я, пользуясь возможностью, решил просвещать духовно и ее. Правда, я сам почти ничего не знал, а потому и ей сказать толком особо ничего не мог. Мои беседы были построены на том, что когда-то приходилось от кого-то слышать, и на разных наблюдениях.

«Знаешь, Нина, – начал я, – раньше почти все были верующие. Это видно изо всего. Посмотри хотя бы на стихи, которые учат в школе. Несмотря на то, что современные идеологи стараются всячески приписать некоторым поэтам, что они были безбожниками, у них все равно ничего не получается. Взять, к примеру, стихотворение «Смерть поэта», которое написал Лермонтов после того, как Пушкин был убит на дуэли. Там написано такое:

...Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный Судия, Он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли, и дела Он знает наперед...

---

[2] Здесь и в дальнейшем повествовании Пресвятая Дева названа словом «Женщина», поскольку Михаил (будущий монах Давид) и его сестра Нина в начале своего обращения к вере именно так воспринимали Матерь Божию и так называли Ее в своих рассказах. В этом не видится ничего предосудительного – ведь сколько известно случаев из Житий Святых, когда даже святые люди не узнавали сначала Царицу Небесную, а воспринимали Ее просто как Женщину. Таково, например, явление Матери Божией прп. Досифею (См. Жития Святых, 19 февраля по ст.ст.) *(прим. ред.)*

Можно привести в пример и других известных поэтов, которые в своих стихах ярко выражают свои религиозные чувства. Сегодня же нам толкуют, что они были безбожники, приписывая им разные небылицы. Да и вообще, почти все выдающиеся личности прошлых веков были глубоко верующими – это видно и из литературных источников, и из живописи, и из музыкальных произведений. Но только на все нужно смотреть правильно, чтобы видеть все так, как оно есть, а не так, как нам это преподносят.

Или возьми хотя бы обыденную жизнь. Вот бабушка рассказывала, что когда-то в одном доме жили все вместе: дедушка, бабушка, отец, мать, несколько женатых сыновей и замужних дочерей со своими детьми – и никто никому не мешал. Более того, все были рады друг другу. Все находились в повиновении у самого старшего. Между всеми хранились взаимное уважение и любовь. И причиной всему этому был страх Божий, вера...

А посмотри, что творится теперь. Вот наши соседи. У них один-единственный сын, и из-за него нет никому места. Ежедневно у них споры и драки, почти каждый день все бегают вокруг дома. И творится подобное везде и всюду. Причем, такая вражда и ненависть – не только в семьях, но и вообще среди всех. Раньше люди любили друг друга, а теперь друг друга ненавидят. И причина тому – отсутствие веры в Бога.

Вспомни роман «Угрюм-река». Он начинается с того, что дед Даниил совершает убийство и грабеж. И вот этот старик лежит на смертном одре. Он начинает понимать, что вся его жизнь позади, что будущего здесь у него уже нет, все только прошлое. На него нападает страх при воспоминании о пройденном жизненном пути. Он ясно сознает то, что ему придется отвечать за все свои поступки. Его мучит совесть, что все его богатство приобретено неправедным путем, и что оно остается здесь, а с ним идут в иной мир только его дела. Чувство раскаяния и сожаления о прожитой жизни овладевает его душой. Он подзывает к своему смертному одру сына и говорит: «Петр, как я прожил свою жизнь!.. Сколько я сделал убийств и грабежей!.. Сколько у меня золота и серебра – и все оно остается здесь... Оно спрятано, но теперь я скажу тебе, где оно. Ты возьми его и отдай на построение церквей и монастырей – возможно, за это помилует меня Матерь Божия, яко Милостива». Монолог закончен, дед Даниил умер.

Все может миновать человека, а вот смертного часа не минует никто. Умирать придется каждому. И когда человек умирает, ему уже не к чему думать о земной жизни – она остается позади независимо от того, кем он был и как он жил. Ни деньги, ни знакомства, ни звания не могут освободить его от этой участи. И чтобы нам не было так мучительно больно перед смертью, как деду Даниилу, описанному в романе, давай будем верить – от этого мы хуже не станем».

Сестра охотно со всем согласилась и начала вспоминать разных литературных героев, которые ярко свидетельствовали о своей вере в Бога. Она обратила мое внимание на такие вещи, которые я раньше пропускал, как говорится, «мимо ушей».

Было очень радостно, что моя сестра так легко приняла мое предложение: «Давай будем верить, от этого мы хуже не станем». Теперь у меня была единомышленница....

(Продолжение следует)

«Боже, Царя храни»

...В одном громадном здании, устроенном для лазарета, лежало много раненых, умирающих, выздоравливающих. Сердце их было залито страданием, тоской и верой в Бога.

Обход кончался, стемнело. Один из солдат сказал сестре:

— У нас здесь хор хороший есть. Хотим спеть вам то, что чувствуем. Себя и вас утешить на прощание.

Регент вышел вперед, дал тон — его передали по коридорам, палатам, лестницам... все замерло. И вдруг где-то далеко, пронизывая и побеждая собою все, чистый голос канонарха зазвенел: *«С нами Бог, разумейте, языцы, и покаряйтеся»* — в чужом здании, полном чужих языков. И еле-еле слышно, все расширяясь, дивный хор запел: *«Яко с нами Бог»*. Из другой палаты прозвучал малиновый голос канонарха: *«Услышите до последних земли»*. А хор, как ангельские крылья, все выше и выше поднимал эти слова великого повечерия... спустилось на землю благословенное молчание, никто уже не мог говорить.

А кругом плакали раненые. Сестра плакала с ними. И вдруг все это море людей упало на колени и запело: *«Боже, Царя храни»*. Рыдание перебивало пение. В плену запрещено было петь гимн за строгое наказание. Но эта любовь и верность смели все законы войны. Австрийское начальство сняло головной убор, вытянулось и стояло смирно. Склонились невидимые знамена перед великим призванием России.

Генерал Петр Краснов.
Православный календарь. 2007, «О любви».

Чудесный день

Если столько людей в городе с покаянием идут за крестом, то не все еще потеряно для России!

В душе я точно и ясно осознала, что хочу участвовать в крестном ходе. Перед этим счастливым днем много я понервничала – все не получалось с работой. Вроде бы и выходной завтра, а заменить меня некому. Но вот под вечер на душе стало спокойно. Утром просыпаюсь раньше обычного. Сердце бьется чаще от сильного волнения – это мой первый крестный ход.

Началось все нормально, благополучно доехала до храма. Нищие возле церкви настойчиво просили денег, и я, не задумываясь, отдала почти все, осталось лишь несколько рублей. Только потом осознала, что не купить мне ни свечей, ни иконы Царя Страстотерпца.

Захожу в храм и стою в изумлении. Столько людей я видела только в поездках по святым местам: в Дивеево, в Задонске, в Москве. Но в нашем храме... Да, оказывается, можем, когда хотим! Молодые, пожилые, мужчины, дети. Все как один смогли отложить важные дела, ведь день будничный, смогли отпроситься с работы, смогли прийти почтить память Николая Чудотворца. Очередь к иконе Царя Мученика до самых ворот. «А уже скоро ее вынесут, – думаю я, – как же они надеются подойти к ней?» Невольно наворачиваются слезы. Слава Тебе, Господи, что привел Ты их в церковь свою. Значит, нас много. В голове звучит: «Мы Христовы!»

И все сегодня такие добрые! Все в предчувствии чего-то особенного...

На улице, оказалось, собралась приличная очередь, но никто не толкается, не спорит, взгляды устремлены в одну сторону. Выносят икону. Идут с хоругвями, крестами, так красиво. Люди пытаются «падать» под икону, и хотя нет благословения проходить под иконой из-за ее веса (200 кг), русскому народу особенно важно в наше время получить благодать, быть услышанными Богом. Ждут люди наши помощи в своих скорбях. На кого нам еще надеяться! «Если Бог за нас, кто против нас».

Более догадливые и кто помоложе, бегут вперед, я за ними, там по одному встаем на колени, склоняем головы: «Господи, только помоги!»

Спустя некоторое время идем по дороге, читаем молитвы. Хочется пробраться ближе к иконе, но людей столько, что тяжело даже не наступать на ноги идущим впереди. «Ну ничего, – кто-то говорит сзади, – мало кто пойдет на 19-й микрорайон, все разойдутся». Другая отвечает: «Я на час отпросилась, детям в школу надо». И решили они, что на тракторный уж точно дойдут единицы. И я подумала: «Не буду спешить, пойду пока здесь, а потом и правда, наверное, многие уйдут». Да не тут-то было! Народу нисколько не уменьшилось.

Вдруг кто-то заметил, что впереди, где уже пронесли икону, небо стало светло-синее, облака рассеялись, снег постепенно прекратился. Идем, и уже все небо сделалось синим, и солнце появилось. Я так люблю солнце! Такая благодать в душе. Тут стали одолевать помыслы: «Если крестный ход только до Тракторного, то как же я домой-то пойду, ведь денег на проезд не хватит?» Пытаюсь отогнать от себя эти мысли и сосредоточиться.

И вот мы, наконец, у часовни святой мученицы Татианы. Обходим кругом, икону вносят в часовню. Звонят колокола. Я смотрю на небо. А там, высоко-высоко, прямо над крестами часовни, ле-

тают белые птицы. «Смотрите, смотрите, – раздается со всех сторон, – это Дух Святой!» Вот это чудо! А мне так тепло стало (до этого я сильно замерзла), а сейчас даже руки стали теплыми. Но эти птицы! На голубей вроде бы не похожи. Не могут голуби так кружиться в воздухе. «Может, это чайки», – предположил кто-то. «Может быть, – думаю я, – крылья у них большие». Когда звон колоколов затих, птицы скрылись. Но как они улетели? Лично я видела, как они, отдаляясь, превращались в светящиеся белые искры, которые рассыпались по небу.

Около часовни есть время отдохнуть. Собралась отдельная группа людей, которые что-то внимательно слушают. Я сразу догадалась, в чем дело. С нами шел монах в схиме. Он дорогой давал советы вопрошающим, я тоже очень хотела идти рядом с ним. Но люди, отталкивая друг друга, подходили к нему за советом. «Какой же он красивый, – подумала я, – как Ангел». Мне тоже хотелось получить от него наставление, но стояла далеко от него. Из-за маленького роста видела только его шапочку со словами «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный» и с херувимами. Я попросила у Господа, что, если можно, пусть хотя бы благословит меня этот старец. Я подумала, что он обязательно должен, не знаю каким образом, обратить на меня внимание, потому что мне в этот момент так необходима была его помощь. Рядом со мной стояла девушка. Она начала кричать не переставая: «Батюшка, благословите людей!», но он в это время разговаривал с другими. И тут внезапно он обернулся со словами: «Кого тут благословить?» Девушке удалось протиснуться к нему и за собой утащить своих спутниц, а я так и осталась на своем месте. Нет, так не может быть, мне просто надо приложить усилие. И я тоже сказала: «Батюшка, благословите». Он тут же обернулся: «Кого тут благословить?» «Меня», – чуть ли не плача, проговорила я. Он сказал: «Ну, благословляю», перекрестил меня и со словами: «Ну, иди сюда», протянул ко мне руки. Я сделала шаг вперед, а он обнял мою голову ладонями и поцеловал в лоб. Вот и второе чудо произошло. Я никогда не забуду его добрых глаз. Такими я и представляла старцев-монахов, читая святоотеческие книги.

Крестный ход продолжается. Идти стало легче, солнце светит в лицо. Старушки закрываются от яркого света, а мне солнышко ничуть не мешает. И, глядя вперед, вдыхая свежий воздух, я почувствовала, что значат слова: у всех *«было одно сердце и одна душа»* (Деян. 4, 32). Схимник тот говорил: «Только когда вы будете петь "Богородице Дево, Радуйся...", пойте одним напевом». И я иду и слышу звучание чудного спокойного хора в ритм сердца, как будто поет не сотня разных голосов, а один – Ангельский.

И тут – снова чудо. У казака, сопровождавшего нашу колонну, замироточила икона апостола Матфея. Я успела приложиться к ней и почувствовала благоухание.

Перейдя через мост, подходим к церкви Архангела Михаила, где нас уже ждут. Еще раз пройдя под иконой, я зашла в храм, помолилась святителю Николаю Чудотворцу. Когда же вышла на улицу, уже совсем стемнело. При свечах стали служить молебен, после которого окропили нас святой водой. Силы вернулись ко мне. Но надо было что-то предпринять, так как денег на дорогу домой нет, на улице темно. Что делать? Я сильно расстроилась. Что ж, буду просить, делать нечего. А там остались одни бабульки, им самим пенсии не хватает. В общем, стыдно было... Попросила три рубля у одной женщины, а у нее не оказалось. Люди стали расходиться, я тоже побрела к остановке, в который раз пересчитывая свои рубли. Решила спросить еще у кого-нибудь, хоть вот у этих двух веселых старушек. В доказательство своих слов, показываю им свою мелочь. Рука невольно потянулась в карман, и... там я обнаружила три рубля, неизвестно откуда взявшиеся. (Надо заметить, что я не раз обшаривала свои карманы и кроме ключей там ничего не было). Я была поражена. Потом, уже сидя в троллейбусе, я поняла, что святитель Николай Чудотворец помог мне. Вспомнила, как помог он одному человеку, каждую ночь подкидывая мешочек с монетами, чтобы тот мог выдать замуж дочерей.

А на следующий день я поняла, что Господь показал мне все эти чудеса, чтобы укрепить мою веру. И только теперь, когда я пишу эти строки, я до конца осознала (в чем раньше боялась признаться), что я давно искала чудес. Мне хотелось, чтобы со мной случилось что-нибудь особенное. Теперь благодарю Господа, что Он показал скрытую во мне гордыню и укрепил меня в вере.

Теперь я верю еще и в свое Отечество. Если столько людей в городе с покаянием идут за крестом, то не все еще потеряно для России. Сколько бед мы перетерпели, сколько унижений и оскорблений. Казалось, что все разрушенное нельзя восстановить, но Бог, Который из самого заядлого врага веры может сделать праведника, не дал нам погибнуть в грехах. У нас появилась надежда. Если одного Лота праведного Господь вывел из города грехов и не погубил с остальными, то и нам не следует отчаиваться. Господи, будь милостив к нам грешным!

НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВА,
19 декабря 2006 года,
г. Липецк

ПАСХА В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Перед вами отрывок из повести И. Сургучева «Детство императора Николая II». Она написана от имени исторического лица — полковника Владимира Константиновича Олленгрэна, воспитывавшегося во дворце вместе с Ники (7 лет) и Жоржиком (5 лет), будущими Царем Николаем II и Великим Князем Георгием, детьми Александра III. Воспитателем была мама Олленгрэна, которую дети звали Диди, а самому ему тогда было 8 лет.

Можно вспомнить и рассказать, как в царской семье встречали Святую Пасху.

В Страстную Пятницу с Императорского фарфорового завода привозилась груда фарфоровых прелестных яиц различных размеров. Эти яйца предназначались для христосования со всеми служащими во дворце. Большие яйца, очень дорогие, вероятно, получали лица, близкие к Августейшей Семье. Меньшие размеры полагались персоналу, обслуживавшему дворец. Начиная с Великого Четверга, церковные службы происходили как и везде. В Пятницу был вынос Плащаницы, на котором мы — я, Ники и Жоржик — обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все просил мою маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазенки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня тогда там, я бы показал им!» И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно?

Подскочил и Жоржик, и тоже с вопросом:

— Правда, за что?

И до сих пор я не могу забыть его больших, возбужденных глаз.

Время до Воскресения Ники и Жоржик переживали необычайно остро. Все время они приставали к моей маме с вопросами:

— Боженька уже живой, Диди? Ну скажите, Диди, что Он уже живой. Он уже ворочается в Своей могилке?

Семья императора Александра III

— Нет, нет. Он еще мертвый, Боженька. И Ники начинал капризно тянуть:

— Диди... Не хочу, чтобы мертвый. Хочу, чтобы живой...

— А вот подожди. Батюшка отвалит крышку гроба, запоет: «Христос воскресе», — тогда и воскреснет Боженька...

— И расточатся врази Его? — тщательно выговаривал Ники непонятные, но твердо заученные слова.

— И расточатся врази Его, — подтверждала мать.

— Я хочу, чтобы батюшка сейчас сказал: «Христос воскресе»... Вы думаете, хорошо Ему там во гробе? Хочу, чтобы батюшка сейчас сказал... — тянул капризно Ники, надувая губы.

— А этого нельзя. Батюшка тебя не послушается.

— А если папа скажет? Он — Великий Князь.

— И Великого Князя не послушает.

Ники задумывался и, сделав глубокую паузу, робко спрашивал:

— А дедушку послушается?

— Во-первых, дедушка этого не прикажет.

— А если я его попрошу?

— И тебя дедушка не послушается.

— Но ведь я же его любимый внук? Он сам говорил.

Несмотря на все недостатки воспитания, слишком оторванного от земли, царские дети оставались детьми и ничто детское им не было чуждо. Во дворец привозились самые занятные, самые драгоценные игрушки, сделанные в России и за границей, но все это занимало их внимание только какой-то первый момент. Иное дело выстроить из песка домик для дедушки или из снега крепость для защиты России, — это было свое, это было драгоценно. Каждый день летом подавалось мороженое, сделанное по особым рецептам. Это имело успех, но что это было в сравнении с тем мороженым, которое мы сами делали из песка с водой? Продавцом этого мороженого был всегда, к нашей глубокой зависти, Жоржик. У него была какая-то ложка, сделанная из битой бутылки, и эта ложка хранилась под заветным деревом в саду, и была произнесена страшная клятва, чтобы никому, даже дедушке, императору Александру III, не выдавать ее местопребывания.

И потому, когда я сказал, что иду сейчас в мамину квартиру, где наша служанка Аннушка красит яйца, — то впечатление было такое, будто гром ударил среди ясного неба!

Что такое: красить яйца? Как это так: красить яйца? Разве можно красить яйца?

Вырваться из царских комнат не так-то легко. Нужно было главным образом преодолеть бдительность моей мамы. На наше счастье, ее вызвали на четвертый этаж. И не успела еще отскрипеть веревка лифта, как мы всей компанией пробрались в заветный коридор, встретив на пути одного только доктора, который не обратил на нас ни малейшего внимания.

Наша Аннушка делала какую-то особенно прочную краску из лукового настоя, который разводила в глиняной миске. Вся мамина квартира пропахла луком, так что Ники даже осведомился:

— Чего это так в глаза стреляет?

Но когда он увидел, как обыкновенное белое яйцо, опущенное в миску, делается сначала бурым, а потом — красным, удивлению его не было грани. Добрая Аннушка снизошла к нашим мольбам, засучила нам троим рукава, завесила грудь каждому какими-то старыми фартуками и научила искусству краски. И когда изумленный Ники увидел, как опущенное им в миску яичко выкрасилось, он покраснел от радости и изумления и воскликнул:

— Это я подарю мамочке!

Моя мама вернулась и сразу хватилась нас. Кинулись в сад — нас нет. В кухню — нас нет. Подняли всю дворню на ноги, поднялся шум, суматоха, и тут всех выручил доктор. Нас нашли, но в каком виде! Оба Великих Князя оказали бурное сопротивление: ни за что не хотели уходить из кухни Аннушки, — Жоржик даже брыкался. Разумеется, мне, как заводиловке, влетело больше всех. Влетело и Аннушке, а Аннушка огрызалась:

— Ну что ж, что царята? Дети, как и есть дети. Всякому лестно.

Забрав в руки плоды своего искусства, мы под стражей, с невероятно вымазанными руками, следовали на свою половину. Мать принимала валериановые капли. А для нас весь мир исчез. Важно было донести целыми и не раздавить яички, предназначенные то маме, то папе, то дедушке.

Начали мыть нам руки, принесли песок, но краска так и не отмылась до самой Фоминой.

Во время христосования отец Ники, Александр II, вдруг потянул носом и спросил:

— Что-то ты, брат, луком пахнешь, а? И тут заметил его неотмытые руки.

— А ну ты, Жорж? Ты, Володя? Понюхал всех. От всех несло луком.

— В чем дело?

Мать со слезами объяснила происшествие. Александр Александрович расхохотался на весь дворец.

— Так вы малярами стали? Молодцы! А где же ваша работа?

Мы бросились в опочивальню и принесли свои узелки.

— Вот это папе, это маме, это — дедушке. Александр Александрович развел руками.

— Вот это — молодцы, это — молодцы! Хвалю. Лучше всякого завода. Кто научил?

— Аннушка.

— Шаль Аннушке! И пятьдесят рублей денег. А вам по двугривенному. Сколько лет живу на свете — не знал, что из лука можно гнать краску!

И через несколько минут после его ухода нам принесли по новенькому двугривенному.

«ЦАРСКИЕ ДЕТИ»

ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА

Божественная кровь мешается с землею...
И за меня есть капля крови,
Что истекает каждою весною,
Жива я буду на земле доколе.

Сейчас я плачу, стоя у Креста,
И разделяю Материно горе.
Но почему не помню я всегда,
Что ценность жизни — в этой капле крови?!

Ты умер, чтоб воскресла я
От праха плоти к жизни вечной.
Не попусти, прошу Тебя,
Быть мертвецом и жить безпечно.

Ведь Ты позвал меня к Себе;
Замешкавшись, чего-то я ждала.
Тебе бегу вослед, Тебе,
Чтоб не закрыл передо мной врата.

Я умоляю, плачу, вопию, стенаю:
— Из рук Твоих дай чашу мне испить,
Позволь землею стать, в которую стекает
Та капля крови, что дает мне жизнь.

Инокиня Варвара, с. Латное, Воронежская обл.

СКОРО ПАСХА

Придет пора, Господь Всевышний взглянет
На странника, уставшего в пути,
Моих грехов он больше не помянет
И просто, без упреков все простит.

В который раз иду к Тебе с надеждой,
Открою сердце по дороге в храм:
«Прости за все...», — молю я и, как прежде,
Твержу в душе: «Я больше не предам...

Мне без Тебя нет счастья в мире этом,
Исправь мой путь, дорогу укажи,
Позволь, Спаситель, за тобою следом
Нести свой крест без ропота и лжи».

Твой воцарится свет, тепло и ласка
Сольются гласом радостным с небес.
Унынью места нет, ведь скоро Пасха.
— Христос воскрес! — Воистину воскрес!

Николай

БЛАГОВЕСТ

Звонят колокола по всей России.
Душе созвучен колокольный звон.
Он ввысь стремится к поднебесной сини,
«Христос воскрес!» — нам возвещает он.
«Воистину воскрес!» — друг другу шепчем
И замираем, слыша благовест.
В тот самый миг становится нам легче
И кажется: Иисус сейчас воскрес.
Все мы, кто свято верит иль не верит,
На время сбросив груз мирских оков,
Готовы тут же приклонить колени
И вымолить прощение грехов —
Своих, чужих, а в целом — всей России.
Доколь Всевышний будет нас карать?
Послал на землю Своего Мессию,
И снизошла с Ним Божья благодать.
Лишь вера наша души согревает:
России — быть, она еще жива
И как Иисус из мертвых воскресает,
Пока звонят в церквах колокола!

Светлана Трушина

СВЕРШИЛОСЬ

Но вот, Господь наш угасая,
«Свершилось», — громко возгласил,
И, тихо голову склоняя,
Пречистый дух свой испустил.

И в это скорбное мгновенье
Завеса в храме раздралась,
Раздался гром землетрясенья,
Земля в основе потряслась.

Пришли Иосиф с Никодимом,
Любовь питавшие к Христу,
В молчаньи трепетно-унылом
Они приблизились к кресту.

И тело Господа с рыданьем,
Освободили от гвоздей.
Из древа муки и страданья
Был снят сладчайший Назорей.

Стеня и горестно рыдая,
К груди угасшего Христа
Склонилась Матерь Пресвятая,
Целуя хладные уста.

«Тебя я вижу, Сын безценный,
Простертым ныне на земле.
Создатель неба и Вселенной
С печатью смерти на челе.

Лежишь, смежив Ты тихо очи,
Пречистой кровью обагрен,
В Твоей руке и дни, и ночи,
Но Ты вкушаешь смерти сон.

О, Сын мой, Бог любвеобильный,
Услышь страдальческий мой стон,
Избавь от муки непосильной,
Пошли и мне сей чудный сон.

Чтоб я могла соединиться
С Тобою, Сын сладчайший мой,
К Тебе душа моя стремится
Я здесь, я здесь с одним Тобой...»

Так Матерь Господа взывала,
Полна печалью и тоской.
И тело Сына обливала,
Рыдая, жгучею слезой.

И голос тайный услыхала
Мария вдруг в груди Своей:
«Не слез, но радостей начало
Должна Ты в смерти зреть моей.

Не плачь, о Матерь, надо Мною,
Сгони с лица печали тень,
Еще перед утренней зарею
Восстанет Сын твой в третий день.

И тело Господа обвили
Тут белоснежной пеленой.
И в новом гробе положили,
Где встала стража в час ночной.

Марина Невская, г. Воронеж

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь,
тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 5500 экз.*
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство *ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.*

Ο
Ιω
Ν
ΧΒ